

Чарли
ВИ

ВЫНУЖДЕННО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Женаты

18+

БЕЗ ЛИШНИХ ЧУВСТВ

Чарли Ви

Вынужденно женаты.

Без лишних чувств

<https://litres.ru/74507837>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Я вообще не понимаю, что ты в ней нашёл, – слышу женский голос из-за перегородки.

– Ну ты не мужчина, чтобы понимать, – а это уже голос моего будущего мужа. И я даже горжусь его ответом. Секунды две.

– То есть ты хочешь сказать, что она лучше, чем я? – снова этот мурлыкающий томный голос, который вызывает тошноту и омерзение.

– Ну что ты, зайка, ей до тебя далеко. Может, поднимемся в номер? И ты снова напомнишь о своих достоинствах.

Я случайно застала будущего мужа с другой женщиной накануне нашей свадьбы.

Больно? Не то слово.

Первый порыв – запустить в его голову бутылкой шампанского.

Но вместо слёз и истерики включается режим стервы, и я решаю подать ему месть холодной.

Пусть все знают, что Адам Хасанов – двуличная мразь.

Вот только после этого он тоже хочет мести, разрушив мою репутацию и жизнь.

Остаться в живых — уже победа.

У меня есть только один выход: выйти замуж. За человека, к которому при других обстоятельствах я бы ни за что не обратилась.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Визуал	16
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	40
Глава 7	46
Глава 8	52
Глава 9	57
Глава 10	63
Глава 11	69
Глава 12	76
Глава 13	81
Глава 14	88
Глава 15	95
Глава 16	100
Глава 17	106
Глава 18	111
Глава 19	117
Глава 20	122
Глава 21	128
Глава 22	133

Глава 23	138
Глава 24	142
Глава 25	148
Глава 26	153
Глава 27	159
Глава 28	164
Глава 29	173
Г	178
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Чарли Ви

Вынужденно женаты.

Без лишних чувств

Глава 1

– Я вообще не понимаю, что ты в ней нашёл, – слышу я женский голос из-за перегородки.

Замираю посреди просторного, залитого солнцем банкетного зала «Эдем». В руках у меня – два рулона атласной ленты цвета слоновой кости, которую я в последний момент решила добавить к декору столов. Полдень. Тишина, нарушаемая лишь отдалённым гулом города.

– Ну ты не мужчина, чтобы понимать, – раздаётся в ответ низкий голос моего жениха. И я даже горжусь его ответом. Секунды две.

– То есть ты хочешь сказать, что она лучше, чем я? – томно тянет незнакомка. Хотя нет. Голос звучит знакомо.

Это же...это его сестра сводная. У меня даже колени слабеют от неожиданного открытия. Упираюсь спиной в прохладную поверхность декоративной колонны, задрапированной тканью. Я не должна быть здесь. Не должна подслуши-

вать, но оторваться не могу. Тело будто парализовано.

– Ну что ты, зайка, ей до тебя далеко, – говорит Адам, и его голос внезапно становится мягким, таким, каким он говорит со мной. Только сейчас это адресовано не мне. – Может, поднимемся в номер? И ты снова напомним о своих достоинствах.

Тишина. Многозначительная, густая. Потом – одобрителный смешок и шорох одежды.

Внутри всё обрывается. Мыслей нет. Есть только бешено колотящееся сердце, ударяющее о рёбра, и волна примитивной, всесокрушающей ярости. Она подкатывает к горлу, сжимая его, заставляя задыхаться, отключая мозг. Ноги сами собой напрягаются для рывка. Я уже чётко вижу перед собой картинку: как летят в стороны эти дурацкие ленты, как мои руки вцепляются в её идеально уложенные чёрные волосы.

Хочу кричать. Хочу рвать, метать, чтобы выплеснуть гнев, который, кажется, сейчас разорвёт меня на куски. Глаза заволакивает красной пеленой.

И вдруг в памяти всплывает лицо брата и его слова: «Алён, прежде чем вмазать, подумай, где уязвимое место твоего врага. Один точный удар всегда лучше десяти беспорядочных».

Ярость не уходит, нет. Она мгновенно трансформируется, проходит через какую-то внутреннюю призму и выходит наружу уже не огненным шаром, а ледяным решением.

Я не должна действовать на эмоциях. Я должна собрать доказательства. Нанести удар там, где он не ждёт, и так, чтобы он не смог оправиться. Адам Хасанов – мой уже бывший будущий муж публичная фигура.

Его репутация – его главный капитал.

Что будет больше – несколько синяков сейчас или скандал на первых полосах завтра утром?

Дыхание, которое я затаила, вырывается наружу прерывистым, но уже более-менее ровным потоком. Я медленно, с величайшей осторожностью, на которую только способна, выглядываю из-за края колонны.

Они стоят у высокого стола с макетом рассадки гостей, где наши миниатюрные фигурки должны были завтра стоять рядышком. Он прижал её к краю стола, его тело полностью развёрнуто к ней, образуя замкнутое, приватное пространство. Одна его рука лежит у неё на талии, пальцы впиваются в ткань её строгого, делового пиджака, который сейчас выглядит верхом лицемерия. Другая рука уже запуталась в её чёрных волосах. Их лица сближаются для поцелуя. Идеальный кадр. Мне ли как журналисту не знать об этом.

Профессионализм берёт верх над дрожью. Движения становятся автоматическими, выверенными. Я опускаю руку в карман джинсов, и пальцы на ощупь находят прохладный корпус смартфона. Мой верный помощник. Звук выключен на беззвучке – железное правило, выработанное в погоне за репортажами. Ни щелчка, ни фотовспышки.

Я приподнимаю телефон, прицеливаюсь экраном в щель между декорациями. Увеличиваю. Исчезает всё лишнее – позолоченные бра, лепнина, цветы. В кадре остаются только они. Его профиль, её полуприкрытые глаза, её рука, скользкая у него под пиджаком. Я нажимаю на кнопку. Тихий, беззвучный щелчок вибрации отдаётся в моих пальцах. Ещё один. И ещё. Я ловлю несколько ракурсов: момент перед поцелуем, сам поцелуй, момент, когда они отрываются, и он, улыбаясь, что-то шепчет ей на ухо. Она смеётся, запрокидывая голову, и её взгляд, полный торжества, на мгновение устремляется в пустоту, прямо в объектив моей скрытой камеры.

Готово. Доказательства не просто у меня в руках. Они в облаке, в запасных копиях. Опыт научил меня всегда подстраховываться.

Я отступаю назад в тень, прислоняюсь спиной к неровной стене. И только сейчас, когда опасность быть обнаруженной миновала, а работа сделана, меня настигает первая волна отчаяния и разочарования.

В носу начинает дико щипать, горло сжимает спазм. Я задираю голову вверх, к ослепительной хрустальной люстре, и моргаю, пытаюсь разогнать предательскую влагу в глазах.

«Не сейчас. Только не сейчас, Алёна. Соберись».

Адам Хасанов. Молодой, успешный, обаятельный. Меценат, бизнесмен, лицо с обложек. Мечта. Он выбрал *меня*. Из всех женщин, которые вились вокруг него, он сделал пред-

ложение именно мне, Алёне, девчонке не из их круга. И я, как последняя дура, поверила в эту сказку. Влюбилась не в принца, а в его умело созданный образ. Думала, что и он... что он...

Нет. Это было верхом глупости верить в то, что я особенная. Такие, как Хасанов настоящие нарциссы, которые обожают внимание. А ещё больше меня поражает, что он спит с сестрой. Да она сводная, кровь не родная, но они росли вместе. Он всегда о ней отзывался как о любимой сестре. И сейчас перед глазами пролетают все наши совместные поездки, прогулки в рестораны, в кино. И это обретает новый смысл. Меня даже тошнить начинает от осознания, что всё это время он спал с ней, а и тут же улыбался мне. Руки целовал! Говорил, что я единственная.

Глава 2

Я заставляю себя оттолкнуться от стены. Ноги будто налиты чугуном, каждый шаг требует невероятного усилия. Я движусь к служебному выходу в дальнем конце зала, чтобы не встретить их, когда они будут в номер подниматься. Мозг, отбросив эмоции, работает с бешеной скоростью холодного аналитического центра.

Какие СМИ первыми опубликуют такое? Кому из редакторов я могу доверять? А независимые телеграм-каналы? Нужно дать материал одновременно в несколько рук, чтобы он не был задавлен. Нужно придумать текст. Жёсткий, без эмоций. Просто фото и короткая подпись: «Бизнесмен Адам Хасанов и его сводная сестра Карина Л. за день до торжества». Этого будет достаточно. Это будет взрыв.

Я уже почти у чёрной, неприметной двери с табличкой «Персонал», когда чувствую в кармане настойчивую вибрацию в кармане.

Сердце дёргается и замирает. Я вытаскиваю телефон. Экран светится. На нём фотография Адама и подпись: «Любимый».

Не брать? Просто выключить звонок и исчезнуть? Это первое, чего хочется сейчас. Но тут же включается холодный расчёт. Если я проигнорирую его звонок сейчас, это его

насторожит. Он не дурак. Он может заподозрить неладное, связаться с охраной, проверить камеры.

Нет. Он не должен ни о чём знать.

Я закрываю глаза на долю секунды, делаю глубокий вдох, наполняя лёгкие до боли. Нажимаю на зелёную кнопку.

– Алло, дорогой, – мой голос звучит... приемлемо. Чуть устало, чуть рассеянно. Именно так и должна звучать невеста, загруженная последними приготовлениями.

– Алён, где ты? – спрашивает Адам. В его голосе нет ни тени смущения или намёка на вину. Ангельская чистота и уверенность. Каким же мастерством надо обладать, чтобы так врать?

– Я...ээ у Сони задержалась, – говорю я. – А что?

– Да нет, ничего. Просто соскучился по тебе. Ты говорила, что подъедешь, – он врёт так легко, так непринуждённо, что если бы я сама не видела их вместе, то ни за что бы не поверила слухам.

Ненависть – острая, ядовитая – снова накатывает, сжимая горло. Я прикусываю внутреннюю сторону щеки до боли, чтобы сдержаться и привести себя в чувство.

– Да я знаю, зайка, – говорю я, не замечая, как называю его так, как никогда не называла. Просто эта «зайка» так плотно засела у меня в голове, что тело бессознательно пытается бунтовать. – Просто у меня ещё платье на финальной примерке... Ты же понимаешь. Не успеваю.

Пауза. Мне кажется, я слышу, как он оценивает мои слова.

– Как скажешь, моя принцесса, – наконец произносит он.
– Люблю.

Я опускаю руку с телефоном. Экран гаснет, отражая в своей чёрной поверхности моё бледное лицо. Слово «люблю», только что сказанное им, оно больше не греет. Оно обжигает, как яд.

Я толкаю тяжёлую дверь и вываливаюсь во двор, залитый слепящим солнцем. Морозный воздух пахнет выхлопами, но мне он кажется чище, чем приторный воздух «Эдема».

Теперь нужно действовать быстро. Я вызываю такси и, пока жду машину, лихорадочно работаю пальцами. Открываю облачное хранилище, перекидываю самые отчётливые кадры в зашифрованную папку. Потом нахожу в контактах номер главреда одного жёсткого светско-криминального паблика – парня, который когда-то был должен мне услугу за утряску одного неприятного дела. Пишу ему коротко и по делу:

«Серёг, привет. Есть атомная бомба для твоего паблика. Касается Адама Хасанова. Фото, доказывающие измену невесте. Скандал уровня «сводная сестра». Готова отдать эксклюзив, но материал должен выйти завтра утром, к открытию ЗАГСов. Если заинтересовало, дай знать, вышлю превью для оценки».

Отправляю. Следом – ещё пара сообщений менее влиятельным, но очень цепким каналам. Нельзя класть все яйца в одну корзину.

Такси подъезжает. Я залезаю на заднее сиденье, называю

адрес не своего дома, а квартиры Сони, лучшей подруги. Нужно быть там, где я и сказала Адаму.

По дороге телефон вибрирует.

Ответ от Сергея: «Пришли превью. Говоришь, сводная сестра? Если это правда – это не бомба, это ядерный взрыв. Жду».

Я отправляю одно, самое невинное на первый взгляд фото – где они просто стоят в обнимку, его рука на её талии, их лица повернуты друг к другу. Этого достаточно.

Через минуту: «Оху...еть. Весь материал. Условия принимаю. Завтра в 7 утра он будет на главной».

Договор заключён. Теперь отступать некуда.

В квартире у Сони пахнет кофе и печеньем. Она открывает дверь, весёлая, и сразу замирает, увидев моё лицо.

– Алён? Что случилось? Ты как будто... – она не договаривает, хватая меня за руку и втаскивает внутрь.

– Да ничего не случилось, – говорю я, но голос дрожит. Всю дорогу я держалась на адреналине и холодной ярости. А тут, в безопасности, стены, которые я выстроила внутри, дают течь. – Просто свадьбы не будет.

Я скидываю пуховик, падаю на её диван и, уткнувшись лицом в подушку, наконец-то позволяю себе затрястись. Не рыдать. Просто трясусь, как в лихорадке, пока всё тело не

начинает ныть от напряжения.

Соня не задаёт глупых вопросов. Она приносит мне огромную кружку сладкого чая, садится рядом и молча ждёт. Когда я успокоюсь настолько, что могу говорить, я рассказываю всё. Про голос из-за перегородки. Про Карину. Про фото. Про свой план.

– Твою ж... – Соня медленно выдыхает, её глаза круглые от шока. – Сводная сестра. Это же... это какая-то большая извращённая фантазия. И ты уверена, что хочешь это опубликовать? Это же... Алён, он же не простит.

– А мне и не надо, чтобы он прощал. Он мне сделал больно. А теперь пусть больно будет ему.

Визуал

Дорогие мои, приглашаю вас познакомиться с героями
Алёна Афанасьева, 25 лет, журналистка

Адам Хасанов, 28 лет бизнесмен

Карина Хасанова, 22 года, сводная сестра Адама

Глава 3

Я заставила себя выпить чай, который принесла Соня. Он был обжигающим и слишком сладким, как будто подруга пыталась с его помощью не просто вернуть меня к жизни, но и зарядить энергией на неделю вперёд.

– Ты не выглядишь так, будто только что отменила собственную свадьбу, – тихо сказала Соня, наблюдая, как я нарочито спокойно ставлю кружку на стол. – Ты выглядишь так, будто готовишься к спецоперации.

– Так оно и есть, – ответила я, и голос прозвучал ровно, у меня отлично получалось скрывать то, что творилось в душе. – Информационная война. Объект – репутация Хасанова. Моё оружие – факты. Завтра утром он проснётся и узнает о себе всю правду.

Я говорила уверенно, расчерчивая в воздухе руками, жестикулируя. Это была роль. Роль той Алёны, которая не плачет, которая не прощает подлости, которая рубит с плеча и всегда добивается своего.

Перед Соней, как впрочем, и перед всеми, я играла роль бойкой, безбашенной, принципиальной до упёртости.

Я смеялась, рассказывая, как застала его с Кариной. И что они лобызались так страстно, что не видели ничего вокруг.

– Ну надо же так голову потерять от страсти, и забыть, что

они посреди банкетного зала находятся. Даже не попытались спрятаться, – смеялась я.

Шутила, что его пиарщики завтра будут рвать на себе последние волосы.

Но внутри, под этим слоем показной бравады, всё было иначе.

В сердце было так больно, что я с каждым вдохом я едва не морщилась.

Каждый раз, когда я замолкала, картинка из «Эдема» всплывала перед глазами снова.

Его рука на её талии. Его довольная улыбка. Слово «зайка», сказанное таким тоном, что мне хотелось стереть себе память. Это было не просто предательство. Это была какая-то изощрённая насмешка над всем, во что я верила. Было больно, и эта боль тлела внутри меня, саднила, как сильный ушиб, который вот-вот должен проявиться во всей своей сине-фиолетовой красе.

– А ты не боишься? – наконец спросила Соня, глядя на меня прямо. – Он ведь может отомстить. Не просто отругать или обозвать, а что-то реальное сделать. Плохое. Он же не какой-то офисный хлюпик, Алён.

Страх был. Он сидел где-то в основании позвоночника, холодной дрожью. Я знала Адама не таким, каким он был сегодня со своей Кариной.

Я знала его деловую хватку, его связи, его умение доби-

ваться своего любой ценой. Он не был человеком, который спустит публичное унижение на тормозах. Я это понимала прекрасно.

Но понимала и другое. Я не могу просто так стерпеть. Не в моём характере. Если бы я могла, я бы не пошла на журфак. Во мне всегда было очень развито чувство справедливости. В школе я была мальчишек, если они обижали девочек, заступалась за животных, когда кто-то пытался их обижать.

Меня за это прозвали хулиганкой, никто ведь и слушать не хотел ребёнка, который пытался объяснить, что мальчишки дворового котёнка кидали в лужу, чтобы посмотреть, сколько он продержится. Душа болела за каждого.

Я помню старый дом на окраине, облезлые стены подъездов, запах сырости и отчаяния. Бабушка Марфа Ивановна, у которой в квартире было +13, а ей 80 лет. И мамочка с новорождённым, которые отапливались газом. А

всё потому, что ремонт отопления затянулся с лета до октября. И никакие звонки и просьбы жильцов не помогали.

Мои коллеги отмахивались: «Алён, это не наш формат, это скучно, это вечная история». А я неделю обивала пороги управляющей компании, снимала на телефон ледяные батареи, капающую с потолка ржавую воду, лицо директора-очковтирателя. Потом – внезапный визит проверяющих. И через пять дней бабушка Марфа позвонила мне, плача: «Доченька, тепло идёт. Спасибо тебе». Я тогда не спала сутка-

ми, но это стоило того. Потому что была правда. Потому что нельзя молчать, когда нагло врут и отворачиваются.

А Адам лгал мне. Каждый день. Каждым своим «люблю», каждым взглядом. И молчать об этом вранье – всё равно что стать его соучастницей. Стать такой же, как он.

Я злилась на себя из-за своей слепоты. Я, которая всех раскусывала с полуслова, которая видела ложь за милой улыбкой любого чиновника, позволила этому нарциссу в дорогом костюме водить себя за нос. Я верила. Как дура.

– Боюсь, – честно призналась я, глядя в окно на темнеющий город. – Но больше боюсь стать человеком, который всё видит, но делает вид, что ничего не происходит. Я не могу, Сонь. Это не про гордость. Это про... справедливость. Какая-то детская, наверное, вещь. Может, я наивно рассуждаю. Но я не хочу отступать от собственных правил. Я так всегда жила. Меня так Артур воспитывал. Надо быть честным человеком, и тогда мир станет немного чище и светлее.

Я осталась у Сони. Ехать домой, в пустую квартиру, которая ещё вчера была наполнена предвкушением свадьбы, не хотелось. Там было бы слишком тихо, чтобы заглушить этот внутренний вой.

Мы провели вечер, укутанные в пледы. Я продолжала храбриться, строить планы, что буду делать дальше. Соня слушала, кивала, но в её глазах читалась тревога. Она знала мою упёртость. И знала, что это та самая черта, которая может и спасти, и погубить.

Но когда Соня ушла в душ, а я осталась одна в полутьме её гостиной, храбрость испарилась. Меня обволок тихий, липкий страх. Адам не бабушка Марфа. Он не директор жэка, которого можно было припугнуть проверкой. Он – другая порода. Холодный, расчётливый, с безупречным фасадом и, как я теперь понимала, абсолютно пустой внутри. И его фасад я собиралась разбить вдребезги своим репортажем. Публично. На всю страну.

Он этого не спустит. А что он сделает, когда увидит завтрашние заголовки? Было страшно. Очень страшно.

Но отступить было уже поздно. Да я и не умела. Я всегда шла напролом. Артур, мой брат, так и говорил: «Алён, ты как танк, без задней скорости». Так вот, сейчас мой танк уже сделал первый выстрел. Оставалось только не сгореть в ответном огне.

Я легла на диван, укрылась пледом с головой и зажмурилась. Слез не было. Был только тяжёлый камень на груди и чёткая мысль: ты начала эту войну. Теперь будь готова в ней выжить.

Утро наступило серое и тяжёлое. Я проснулась в десять, не от будильника, а от ледяного спазма в желудке. Голова была тяжёлой, будто налита свинцом.

Сегодня в одиннадцать должна была начаться наша регистрация.

Банкет в «Эдеме» в два. Гости уже, наверное, собирались. На тумбочке рядом диваном настойчиво завибрировал те-

лефон. На экране: «Любимый» с ненавистным теперь смайликом.

Я инстинктивно съёжилась, отодвинула телефон. По телу пробежала мелкая, предательская дрожь. Он уже знал. Должен был знать. И этот звонок не вопрос «где ты, моя принцесса».

Мне стало страшно. Дико, до тошноты страшно. Я представила его лицо, искажённое яростью. Его голос, уже не бархатный, а шипящий от бешенства.

«Не бери. Выключи. Спрячься», – шептал внутренний трус.

Но прямо за этим шёпотом поднялся другой голос. Мой собственный, жёсткий, с привычной издёвкой. *Ты чего, Алёнка? Раскисла? Он – козёл. Он обманывал тебя, пока целовал другую. Он насмеялся. А ты боишься трубку взять?*

Я глубоко, с присвистом вдохнула. Выдохнула. Боль в груди никуда не делась, но её затмила знакомая ярость. Да, было страшно. Но как говорится где страх, там и сила.

Я вытянула руку. Пальцы были ледяными. Взяла телефон. Прижала его к уху. Не сказала ни слова. Просто слушала.

Тишина в трубке была густой, звенящей. А потом он заговорил.

Глава 4

– Алёна.

Одно слово, но сколько же в нём было смысла и злости.

– Ты думала, что поступила очень умно и правильно?

Я молчала. Горло сжалось, не пропуская воздуха.

– Знаешь, в чём твоя ошибка? – продолжил он, и в его тоне появилась отвратительная снисходительность. – Ты не рассчитала масштаб. На меня не действует твой дешёвый журналистский бред. Стоит мне выйти к журналистам с опровержением и сказать, что это дешёвый фейк, вся эта машина повернётся к тебе и затопчет. Раздавит тебя. Об этом ты подумала?

В его голосе проскользнула насмешка.

– Ты можешь сколько угодно опровергать новость, – ответила я, наконец совладав с голосом. – Но люди тоже не дураки. Хотя дураки, может, и поверят тебе, но думающие поймут, что ты мудака и лжец. Потому что только откровенный лжец может так мастерски врать своей девушке, что любит её, а потом целоваться с другой.

– Я тебе не врал, Алёна. Я просто давал тебе то, что ты хотела. Сказку. А ты, глупая, приняла её за чистую монету. Разве это моя вина? Да пожалуй. Переоценил твой интеллект.

Я задохнулась от возмущения. Вот чего-чего, а оскорблений своего интеллекта я не ожидала. Он сам всегда говорил, что любит меня как раз за сообразительность.

– Но теперь, дорогая, сказка кончилась. И началась взрослая жизнь. Та, где за каждый шаг тебе придётся платить по самому высокому счёту. Думаешь, я позволю тебе просто выйти сухой из воды?

Пауза. Я слышала его ровное дыхание.

– Твоя карьера закончена. Ни одна уважающая редакция не возьмёт на работу истеричку, которая сливает компромат из-за личных обид. Твоё лицо теперь будут узнавать на улице как ту самую истеричку. А твои родители... – Он сделал драматическую паузу. – Им будет очень тяжело смотреть в глаза знакомым. Особенно когда начнутся проверки их скромного бизнеса. Всякое бывает, понимаешь? Случайные налоговые ошибки, проблемы с арендой... Это долго, мучительно и очень, очень затратно. Для них.

Меня прошиб ледяной пот. Это было уже не просто оскорбление. Это была самая настоящая угроза.

– Мои родители ни при чём! Хочешь мстить, так мсти мне.

– Нет, малыш. Ты задела меня, а значит, задела и Карину, и мою семью. А ещё, Алён... – его голос стал почти ласковым, отчего стало в сто раз страшнее. – Ты очень горячая. Вспыльчивая. С таким характером легко попасть в неприятности. Скажем, в ДТП. Или стать жертвой ограбления. В нашем городе, увы, неспокойно.

Мои внутренности окончательно заledenели. Я не нашла что сказать. Всё, что я планировала – дерзкие ответы, оправдания – я забыла обо всём.

– И знаешь, я даже не буду тебя искать, – закончил он, и в его тоне появилось удовлетворение от моего молчания. – Ты сама ко мне приползёшь. Просить. Чтобы я остановил всё, что на тебя свалится. И мы оба знаем, что ты это сделаешь. Потому что ты не железная. Ты просто дура, которая полезла не в своё дело.

Щелчок. Он положил трубку.

Я сидела, всё ещё прижимая к уху безмолвный телефон. Рука онемела. Всё тело онемело. Внутри была только пустота и гулкий, нарастающий ужас. И я знала – он это сделает. Может, не сейчас, не завтра, но сделает обязательно. Мне надо было что-то делать. Куда-то бежать. Спрятаться. Но куда? От человека с его связями и деньгами?

В комнату вошла Соня с двумя кружками кофе.

– Ну что, поговорили? Обломал рога своему женишку? – попыталась пошутить она, но увидев моё лицо, замолчала. – Алён? Ты в порядке?

Я лишь покачала головой. Она поставила кружки на столик, нахмурилась, и, видимо, чтобы разрядить обстановку, потянулась за пультом от телевизора.

– Давай хоть новости посмотрим, отвлечёмся...

Она включила первый попавшийся городской канал. На экране милая ведущая с поджатыми губами говорила о чём-

то. Потом сменилась картинка. Фотография Адама с одной из наших официальных помолвочных фотосессий. И рядом – то самое, моё фото. Кадр, где они целуются.

«...Скандал в высшем свете. Бизнесмен Адам Хасанов, чья свадьба с журналисткой Алёной Афанасьевой должна была состояться сегодня, оказался в центре громкого скандала. Причиной срыва торжества, предположительно, стали эти шокирующие кадры, появившиеся сегодня утром в сети. На них Хасанов страстно целует с молодой женщиной, которую источники идентифицируют как его сводную сестру, Карину Хасанову. Невеста на церемонию так и не явилась...»

Ведущая говорила что-то ещё про «крушение иллюзий» и «публичный позор», но я уже не слышала. В ушах стоял звон. Соня застыла с открытым ртом.

– Боже... – выдохнула она. – Это уже... в *новостях*...

Как будто в подтверждение её слов, мой телефон на тумбочке взорвался настоящим судорожным припадком. Он подпрыгивал, гудел, затихал на секунду и снова начинал. Сначала имя мамы. Потом папы. Незнакомый номер. Ещё один. Коллега по редакции. Тётя. Ещё один знакомый номер. Звонки шли нескончаемым, удушающим потоком. Каждый вибросигнал отдавался в висках. Весь мой мир, вся моя жизнь в этом городе – работа, семья, знакомые – теперь звенела, гудела и требовала ответа. Апокалипсис. Он наступил ровно в 10:17 утра.

Я тупо смотрела на эту трясущуюся, светящуюся пластиковую коробочку, как на гранату с выдернутой чекой.

– Бери! – испуганно прошептала Соня. – Мама звонит!

– Не могу, – хрипло выдавила я. – Я не могу сейчас говорить. Они все... они все будут спрашивать, они будут требовать объяснений, а я... – голос сломался.

Ощущение было такое, будто стены комнаты медленно съезжаются, а воздух становится густым и тяжёлым, как сироп. Дышать было нечем.

– Мне надо уехать, – прошептала я, глядя на Соню широко раскрытыми глазами. – Сейчас. Пока всё это не... Пока он не... Надо исчезнуть. Хотя бы на время. Пока шумиха не уляжется.

Соня, побледнев, кивнула.

– У родителей дача за городом, в садоводстве. Там сейчас пусто. Ключ у меня есть. Можно...

Её предложение прервал звонок её собственного телефона, лежавшего на столе. Соня взглянула на экран и замерла. Потом медленно подняла на меня глаза, полные немного вопроса.

На экране светилось: «Артур».

Всё внутри у меня рухнуло. Хотя я ведь ещё вчера понимала, к чему это приведёт. Артура игнорировать было нельзя. Не потому, что он брат, а потому что он *Артур*. Тот, кто с детства вбивал в меня простые правила: «Семья – это всё», «Не ври своим», «Если накосячил – отвечай». Он ненавидел

трусость и панику. И сейчас он звонил не Соне. Он звонил *мне*, зная, что я здесь.

– Дай, – хрипло сказала я, протягивая руку.

Соня молча передала мне телефон. Я сделала глубокий вдох, поднесла телефон к уху.

– Алло, – мой голос прозвучал почти нормально.

– Какого. Хуя. Ты. Творишь.

Он не кричал, говорил спокойно. Но то, что он матерился, это было верным признаком, что он на грани.

Я сглотнула ком в горле, пытаюсь собрать в кулак всю свою храбрость.

– Артур, ты... ты видел? – зачем-то спросила я.

– Весь город видел, – отрезал он. – Говори. С самого начала рассказывай. И без соплей. Что произошло?

И я стала говорить. Сдавленно, путаясь, но без прикрас. Про то, что поехала в «Эдем», про голоса, про фотографии. Про его сводную сестру. Про то, как он её называл. Я не оправдывалась, не жаловалась на боль. Я просто рассказывала, будто давала интервью. Артур молчал. Не перебивал.

Когда я закончила, в трубке снова повисла тишина. Я слышала его ровное дыхание.

– Ну ты блядь даёшь, – наконец заговорил он. – Сиди там. И никуда не уходи. Ясно?

– Артур, но...

– ЯСНО? – его голос на мгновение сорвался на рык.

– Ясно, – прошептала я.

– Жди. Я сейчас приеду.

Глава 5

(Егор)

Я только с тренировки вернулся. Стою в прихожей, облокотившись о косяк, смотрю на Артура. Вид у него – будто на штурм собрался идти. Лицо вытянутое, глаза бешеные. Знаю я этот взгляд. Бывало, на задании так смотрел, когда ситуацию оценивал перед самым худшим.

– Заходи, – бросаю ему, отступая в сторону.

Он вваливается в прихожую, не раздевается. Поворачивается ко мне и рубит взглядом.

– Ты новости видел? – выпаливает без предисловий.

Киваю. Видел. Утром, за кофе, в ленте мелькнуло. «Хасанов. Скандал. Сводная сестра». Фото там было – не фонтан, конечно, но факт запечатлён отчётливо. Чей-то профессиональный глаз работал.

– Видел. Бомбу под Хасанову подложили знатно.

Он махнул рукой, будто отмахиваясь от деталей.

– Это Алёна, – бросает он, и в его голосе слышится не гордость. Если бы я не знал Артура так хорошо, то решил бы, что это отчаяние. – Она сейчас у подруги прячется. Ты же понимаешь, что Хасанов от неё теперь не отстанет.

Всё внутри напрягается. Артур не зря беспокоится. О Хасанове я достаточно наслышан, чтобы понимать: для него

этот выпад как публичная пощёчина. И он сотрёт в порошок любого, неважно кто ему эту пощёчину нанёс.

– Предсказуемо, – выдавливаю я. – Его репутацию пошатнули, с грязью смешали. Он ответит. И ответит не только через СМИ. Она теперь проблема, которую нужно устранить. Тихо или громко.

– Я не смогу её двадцать четыре часа рядом с ней быть, – срывается Артур. Он делает шаг вперёд, сжимает кулаки. – И родители не смогут. Этот ублюдок не успокоится. Пока не сломает её, пока не отомстит. Ты и сам это прекрасно знаешь.

Смотрю на него. Молчу. Мне ли не знать.

Пауза повисает тяжёлая. В голове крутятся вопросы. Самый главный – как она вообще решила связаться с таким типом, как Хасанов?

– О чём она вообще думала, когда против него попёрла? – поворачиваюсь к Артуру. – Хасанов ведь не тот человек, с кем стоит связываться. Как она вообще с ним столкнулась? Когда успела?

Артур хмурится, смотрит исподлобья, видно, что злится.

– Ну вот, хватило же мозгов связаться, – бросает он с горечью. – Репортаж о нём делала. О его «благотворительном фонде». А он, видимо, мозги ей и запудрил. Замуж предложил. Я ей говорил, предупреждал. Но ты же её знаешь. Решила что-то – хрен ты её переубедишь.

– Зато теперь убедилась, – констатирую я факт. Горький.

– Ну да, – вздыхает Артур. – И отомстила. И как всегда – не подумав о последствиях.

Смотрю на него. На друга. На человека, который не раз в пекле меня прикрывал, когда пули свистели. Который никогда не просил, а сейчас просит. Не за себя. За неё.

– Егор, ну не в службу, а в дружбу. Тебе это ничего не будет стоить.

Усмехаюсь. Коротко, беззвучно. Свобода. Ценю её больше любого контракта. И сейчас мне предлагают от неё отказаться.

– Это будет стоить моей свободы, – отвечаю я. – А я, между прочим, ей дорожу. Очень.

– Было бы чем, – отрезает Артур, на его лице ни намёка на улыбку. – Серьёзно, Егор. Какая свобода? Сидишь тут один, как сыч. Живёшь работой. Какая разница, в каких стенах работать? Зато будешь знать, что не зря.

«Не зря». Хорошее слово. Только пахнет оно жертвенностью, на которую я не подписывался.

– Даже если я соглашусь, – начинаю я, чувствуя, как мысль об этой аванюре вызывает мгновенное отторжение, – не уверен, что твоя сестра на такое согласится. Я понимаю, что она в отчаянии, но она же девочка с характером. Да и не дура. И замуж за друга брата, как за живой щит, вряд ли побежит.

– А это не твоя забота, – бьёт без раздумий Артур. Взгляд у него стальной, командирский. – Главное, чтобы ты согласился. С ней я договорюсь. У неё вариантов немного: либо

жить, постоянно оглядываясь через плечо, либо ты. Был бы Град не женат, его бы попросил. С ним проще договориться.

Ну да, с Градом проще. Он у нас покладистее, чем я.

В голове всплывает образ Алёны. Не та, что сейчас, в центре скандала. Та, какой я её помню.

Нас она достать могла так, что мы потом ржали до слёз. Помню, как мы с Градом припёрлись к Артуру, на кухне засели, обсуждали наши дела. Мы тогда с отморозками из соседнего двора повздорили. Алёнке лет пятнадцать было, в своих вечно потёртых джинсах и растянутой футболке влетела в кухню с предложением помочь. Мы начали её подначивать, мол, «девочка, не мужское это дело, иди лучше губки крась». Она не смутилась, не ушла. Развернулась, упёрла руки в боки и так, с вызовом, сказала: «Вы, динозавры, в своём каменном веке и оставайтесь. А я хоть в штанах, хоть без, всегда на голову выше вас буду. По уму». И ушла, хлопнув дверью. Мы тогда с Градом переглянулись и ржать начали. Но в глубине души я её даже уважал. За дерзость. За то, что не подлизывается, очень честная и прямая. Она была... своим человеком. Сестра друга. Немного сорванец. Слишком живая, слишком острая.

И теперь эту живую, острую девчонку нужно прятать за своей спиной. В буквальном смысле. Жениться. Представить её в роли жены... Сложно. Даже абсурдно. У нас с ней семь лет разница. Для меня она так и осталась той ершистой девчонкой в растянутой футболке.

– Надеюсь, ты её не связанной в загс собираешься тащить, – роняю я, пытаюсь вернуть в голос иронию.

– Нет, шутишь, что ли, – Артур хмыкает, но лицо не светлеет. – Сама придёт. Она же не дура. Понимает, что натворила.

Всё внутри сопротивляется. Каждая клетка кричит о том, что это – ловушка. Не для неё. Для меня. Но я смотрю на лицо друга, на эту смесь ярости и тревоги. Вспоминаю ту девочку с вызовом в глазах. Теперь её жизнь висит на волоске из-за её же принципиальности.

Делаю глубокий вдох. Выдох. Принимаю решение. Как на задании, когда вариантов нет, кроме одного – самого неудобного.

– Ладно, – говорю тихо, но чётко. – Давай. Выручу.

Артур кивает, не выражая особого облегчения. Просто кивает, будто получил подтверждение в том, что и не сомневался во мне.

– Имей в виду, это только формальность, – добавляет он.

– Понимаю, – отвечаю я.

«Понимаю», – повторяю про себя, глядя, как он поворачивается к двери. Понимаю, что подписываюсь на ад. Понимаю, что отныне моя тихая, упорядоченная жизнь закончилась. И начинается операция под кодовым названием «Спасение ежа».

Самое сложное задание в моей жизни. И самое личное.

Глава 6

После звонка брата прошло часа два, не меньше, когда в квартире раздался резкий, требовательный звонок в дверь. Соня метнулась открывать. На пороге стоял Артур. Он ввалился в квартиру, зашёл в зал и уставился на меня, сидящую на диване, закутанную в плед. Он скинул куртку, кивнул Соне, и та, понимающе хмыкнув, ретировалась на кухню, оставив нас наедине.

Артур подошёл, сел в кресло напротив. Не стал обнимать, успокаивать. Он смотрел на меня своим тяжёлым, оценивающим взглядом, который видел все мои детские провинности и взрослые ошибки.

– Ну, – произнёс он односложно. – Рассказывай. Всё. С самого начала.

И я рассказала. Уже без истерик, почти без дрожи в голосе. Про полдень в «Эдеме», про голоса, про то, как выглянула из-за колонны. Про поцелуй и про фото. Про то, как я отправила его Сергею в газету. Про звонок Адама и его тихие угрозы. Его слова про родителей, про намёки на «несчастный случай».

Артур слушал не перебивая. Лицо его было непроницаемой каменной маской. Только в уголках губ залегала глубокая, жёсткая складка.

Когда я закончила, сразу я спросила:

– Как ты понял, что это я? Что фото – мои?

Он посмотрел на меня, будто я спросила, как он догадался, что небо синее.

– Алён, из всех журналистов в городе я лично знаю только одну безбашенную дурочку, которая способна на такое. И которая на свою же свадьбу не явилась. Дураком надо быть, чтобы не сложить два плюс два.

– Ясно, – прошептала я, ощущая странный укол обиды. Почему-то хотелось, чтобы мой «профессионализм» оценили. Но брат был прав. Это была чистой воды эмоциональная месть. – Ладно. Я уже всё решила. Уеду на дачу к Соне. На время исчезну, пока всё не уляжется. Он остынет.

Артур медленно покачал головой.

– Ты его плохо знаешь, если думаешь, что он «остынет». Он не из тех, кто остывает. Он достанет тебя, даже из-под земли, чтобы удовлетворить своё оскорблённое эго. А я не всегда могу быть с тобой. Дача? Он первую же неделю вычислит, где ты. Через подрядчиков, через соседей, через кого угодно. Ты просто станешь лёгкой мишенью в изоляции. Меня пробрала дрожь.

– И что тогда? Сидеть тут и ждать, когда за мной придут?

– Тебе нужна защита, – чётко сказал Артур. – Хорошая. Крепкая. Такая, чтобы к тебе боялись приблизиться. Не просто телохранитель на час. Постоянная, легальная, железобетонная.

Я уставилась на него не понимая.

– Я вся во внимании. У тебя есть среди знакомых такой супермен?

Артур выдержал паузу, его взгляд стал ещё тяжелее.

– Есть. Чеха помнишь?

Вопрос был таким нелепым, что я сначала не поверила.

– Ну... помню, – осторожно протянула я. – И что?

– А то, что его позывной в определённых кругах, где крутится твой Хасанов, знают очень хорошо. Знают и уважают. И боятся. Если ты станешь его женой, к тебе даже близко будут бояться подойти. Это как поставить на тебя печать: «Неприкосновенна. Собственность Чернова».

Мозг на секунду отказался обрабатывать информацию.

– Замуж... за Чеха? – я рассмеялась, коротко и истерично.
– Артур, ты что, совсем с ума сошёл? Мне проще из города свалить, в деревню к бабке, в Сибирь! За Чеха! Да он же... он же зомби какой-то! Бесчувственный чурбан!

Воспоминания нахлынули волной. Егор Чернов. Друг бра-

та, старше на семь лет. Он всегда пугал меня. Помню, как он мог часами сидеть в углу, когда приходил к брату, не говоря ни слова, только наблюдая. Его взгляд был тяжёлым, пронизывающим, будто он видел не лицо, а схемы и уязвимые точки. Он никогда не улыбался по-настоящему, только кривил губы в усмешке, которая не достигала глаз. А эти глаза... пустые, как у снайпера, который уже выбрал цель. Снайпер. Да, я знала, кем он был. И от этого становилось ещё страшнее. Выйти замуж за него? Это было за гранью моего понимания.

– Алёна, заткнись и слушай, – голос Артура перебил мой внутренний панический монолог. Он говорил жёстко, без права на пререкания. – Во-первых, родители. Ты хоть на секунду подумала о них? О маме? Хасанов начнёт с них. Медленно, изощрённо. Ты хочешь этого? С Чехом они будут в безопасности. Потому что тронуть родню Чеха – значит объявить войну лично ему. А на это никто не пойдёт. Во-вторых, тебе самой. Ты сможешь жить. Не прятаться. Не вздрагивать по ночам от каждого стука. В-третьих, мне. Я буду спать спокойно, зная, что ты под самой надёжной защитой в этом городе.

Его слова, как холодная вода, отрезвили мгновенно. Он был прав. Ужасно, чудовищно прав. Я думала только о своём страхе и своей гордости. А он думал о последствиях. О семье.

– Свадьба будет фиктивной, – продолжил он, видя, что я притихла. – Просто подписать бумагу в загсе. Тебе придётся

жить в его квартире. Для видимости. Но это в тысячу раз лучше, чем ныкаться на даче, где тебя найдут за неделю.

Жить. В одной квартире. С Чехом. С этим молчаливым, пугающим человеком, от одного взгляда которого у меня мурашки по коже бегут.

– Спать я с ним не буду, – выдохнула я, и это прозвучало глупо и по-детски.

Артур хмыкнул, без тени юмора.

– И не надо. Никто тебя к этому не принуждает. Просто выйди замуж. И всё.

«И всё». Как будто это было так просто. Как будто, подписав бумагу, я не подпишу себе приговор на жизнь в одной клетке с тигром, который смотрит на тебя как на потенциальную добычу. Но альтернатива... альтернатива была страшнее. Не абстрактно, а конкретно: угрозы Адама, страх в глазах родителей, бесконечное бегство.

Я закрыла глаза, сжала пальцы в кулаки. Внутри всё кричало и протестовало. Но голос разума, холодный и безжалостный, как голос самого Артура, нашептывал: «Другого выхода нет. Это цена твоей мести. Придётся платить».

– Ладно, – прошептала я, не открывая глаз. – Ладно. Но только на бумаге. Только для вида.

– Только для вида, – повторил Артур, и в его голосе впервые за весь разговор прозвучало что-то похожее на облегчение. – Собирайся. Через час за тобой заедут.

– Кто?

– Дед Пихто.

– В ЗАГС? Так...быстро?

– Ну если хочешь, могу сразу на кладбище.

Я замолчала и уткнулась носом в колени. Капец, это просто полный капец.

Кажется, мир сошёл с ума. Остановите землю я сойду.

Глава 7

Час пролетел слишком быстро. Я только успела переодеться. Соня, не спрашивая лишнего, порылась в шкафу и вытащила нежное платье молочного цвета – простое, элегантное, с кружевными рукавами.

– Носи на здоровье, – сказала она, избегая моего взгляда.
– Хотя бы не в джинсах.

Я молча приняла платье. Оно пахло лавандой. Я натянула его на онемевшее тело. Оно сидело хорошо, будтошили на меня. Ирония была в том, что сегодня я должна была надеть другое платье – белое, с трёхметровым шлейфом. Вместо этого на мне было «хоть что-то приличное». На ногах остались мои любимые чёрные грубые ботинки на толстой подошве. Сверху – пуховик, в кармане которого я бессознательно сжимала кулаки.

Ровно через час, как и обещал Артур, под окнами появился чёрный внедорожник, с тонированными стёклами. Из водительской двери вышел он.

Егор Чернов. Чех.

Он выглядел... обычным. В тёмных джинсах, белой рубашке и чёрной дублёнке. Никакого намёка на «опасного снайпера». Только взгляд. Тот самый. Он скользнул по мне от ботинок до макушки, быстрый, оценивающий, и ничего в

нём не изменилось – всё то же холодное, безэмоциональное лицо. Хоть бы улыбнулся ради приличия.

Я подошла к машине, пытаюсь не споткнуться о собственные ноги, которые были как деревянные.

– Садись, – сказал он, открыв передо мной пассажирскую дверь. Ни «привет», ни «давно не виделись».

– Привет, – пробубнила я сама, пролезая внутрь.

В машине пахло кожей и кофе. Соня и Артур сели на заднее сидение. Егор завёл мотор, тронулся, и несколько минут мы ехали в полной тишине. Напряжение росло, как давление перед грозой.

Он бросил быстрый взгляд на моё платье, потом снова на дорогу.

– Неужели платье, – усмехнулся он. – А я думал, ты из своих потрёпанных джинсов вообще не вылезаеть.

Ирония, смешанная с обидой, подкатила к горлу.

– Ты бы лучше за дорогой следил, – парировала я, глядя в боковое стекло, – вместо того чтобы вспоминать, в чём я два года назад ходила.

Он фыркнул.

– За дорогой я слежу всегда. А вот твой обновлённый гардероб – это сюрприз. Приятный, надо сказать.

– Зря радуешься, мой гардероб не изменился. Платье – это исключение из правил, – сквозь зубы процедила я.

– Уж лучше совсем голой, чем в тех джинсах, – парировал он.

– Не дождёшься, – буркнула я и скрестила на груди руки.

На этой милой ноте мы и доехали до загса. Обычный районный Дворец бракосочетаний, без помпезности. Я вышла из машины, и холодный ветер охватил ноги под тонкой тканью капроновых колготок.

Внутри было тихо, буднично. Артур и Соня уже ждали в коридоре. Брат кивнул мне. Соня попыталась улыбнуться.

Мы прошли в кабинет. Небольшой кабинет, два стола, шкафы, две женщины-регистратора. Одна из них улыбнулась нам профессиональной, ничего не выражающей улыбкой, будто она с утра её как приклеила, так и не отрывала.

Всё внутри меня застыло, а потом резко заколотилось. Я стояла, чувствуя, как дрожь подбирается к рукам, и бешеным желанием было развернуться и бежать. Куда угодно.

Но Егор будто почувствовал моё состояние, взял меня за руку.

Его пальцы были тёплыми, сильными, охватывающими мою ладонь с такой уверенностью, будто так и должно быть. Я едва сдержала порывистое движение, чтобы не дёрнуть руку прочь.

Церемония прошла как в тумане. Голос регистраторши звучал отдалённо. Я автоматически повторяла «да», глядя куда-то мимо лица Чеха. Он отвечал чётко, глядя прямо на меня, и в его взгляде не было ничего. Только решимость, будто он выполнял задание.

Потом нам подали книгу для росписи. Моя рука дрогнула,

оставив некрасивый росчерк с закорючкой. Он подписался рядом – размашисто, уверенно. «Чернов Е. Х.»

И тут регистратор, та, что постоянно улыбалась, сказала самые неожиданные слова:

– Поздравляю вас! Теперь можете поцеловать невесту.

Я растерянно подняла на него глаза, мысленно моля, чтобы он просто кивнул или чмокнул в щеку. Всё что угодно.

Он не кивнул. Он поцеловал, но не в щёчку. Шагнул ко мне, одной рукой крепко обнял за талию, притянул к себе и наклонился.

Однозначно это не был поцелуй для галочки.

Его губы были твёрдыми, тёплыми и настойчивыми. Он целовал меня не как брат, не как друг. Он целовал как мужчина, который теперь имеет на это право. На секунду, которая показалась вечностью, я замерла в полном шоке, не в силах пошевелиться, не в силах ответить. Потом он отпустил меня так же резко, как и взял. На его лице не дрогнул ни один мускул, будто ничего и не произошло.

– Поздравляю молодожёнов! – прозвучало где-то рядом.

Мне сунули в руки свидетельство с печатью. Я взяла его, не видя букв.

На выходе нас встретили Артур и Соня. Брат хлопнул Че-ха по плечу.

– Ну кто бы мог подумать, – с какой-то горьковатой усмешкой сказал он, – что именно ты, Егор, мою сестрёнку

охомотаешь.

– Очень смешно, – выдавила я, бросая на него взгляд, полный ярости.

– Может, хоть в кафе заскочим? Отпразднуем? – робко предложила Соня, глядя на меня с сочувствием.

Чех покачал головой, его рука легла мне на поясницу, и я вздрогнула от этого прикосновения.

– Некогда, – сказал он ровно. – Нам с женой домой пора. Как-никак поженились. Не терпится вдвоём дома оказаться.

Он произнёс это абсолютно серьёзно, без намёка на шутку. Моё сердце упало в ботинки.

Неужели Артур не сказал ему? Что это только на бумаге? Что мы не должны с ним спать?

Я метнула панический взгляд на брата, но тот лишь пожал плечами, будто говорил: «Договорились же. Всё в ваших руках».

Егор уже открывал дверь машины. Я задержалась, обнимая Соню, цепляясь за последнюю ниточку прежней жизни.

– Чернова, быстро в машину, – раздался его резкий голос.

Я вздрогнула. Чернова. Боже, я теперь Чернова, начало доходить до меня. Я медленно отцепилась от подруги, села на своё место и захлопнула дверь.

Мы поехали. В его тихую жизнь. В нашу новую, фальшивую общую жизнь. Всё, что я могла делать – это смотреть в окно на проплывающие огни города и сжимать в руках то самое свидетельство, которое только что превратило мою сво-

боду в красивую, официальную клетку.

– А у тебя сколько комнат в квартире? – запоздало решила уточнить я.

– Три. Но спать мы будем вместе.

Глава 8

Мы подъехали к обычному, ничем не примечательному дому. Не высотка, не элитка, а просто добротный кирпичный дом в тихом районе. Это немного успокоило. По крайней мере, не казалось, что я попала в логово какого-то монстра.

Квартира была на последнем этаже. Егор открыл дверь своим ключом и шагнул внутрь, пропуская меня вперёд жёстом.

– Входи, – сказал он, будто приглашая в гости.

Я переступила порог. И замерла.

Я ожидала чего угодно: холостяцкого бардака, мрачной обстановки в стиле «милитари», даже пустых стен, но не этого.

Квартира была большой, светлой и... абсолютно пустой. В прямом смысле. В прихожей – пара крючков для верхней одежды и полка для обуви без единой лишней пары. В зале – одинокое чёрное кожаное кресло, напротив – огромный телевизор на тумбе. Ни ковра, ни картин, ни штор – только белые вертикальные жалюзи.

В углу зала стояли гантели и разобранная штанга, больше напоминавшие орудия пытки, чем спортивный инвентарь. Одна дверь вела в явно пустую комнату – я увидела голые стены. Другая – в спальню. Я рискнула заглянуть: большая

двуспальная кровать, застеленная тёмно-серым покрывалом так, что ни одной складки. Прикроватная тумба с лампой. Шкаф-купе. Всё.

Это был не дом. Это был оперативный штаб.

– Ну и как тебе? – раздался его голос прямо за спиной. Он снял дублёнку и теперь стоял в одной рубашке, закатав рукава. Смотрел на меня, изучая реакцию.

– Жить можно, – пожала я плечами. – Только в зал надо диван купить. Я на нём спать буду.

– Мне диван не нужен, – отрезал он, проходя мимо меня в спальню. – Спать ты можешь со мной. Или на полу. Выбирай.

– Вообще-то, Артур сказал, что я не обязана спать с тобой! – выпалила я ему вслед. – Ты мне никто! Я тебя не люблю!

Он остановился в дверном проёме и обернулся, мне даже показалось, что он усмехнулся.

– Чтобы спать вместе, любить не обязательно, – ответил он.

Развернулся и скрылся за дверью. Я осталась стоять посреди пустого зала, сжимая кулаки от бессильной злости. Спорить с ним было как биться головой о бетонную стену – больно и бесполезно.

Решив перевести дух, я потопала на кухню. Может, хоть чаю выпить. Кухня была просторной, современной, в тёмных тонах – матовое тёмное дерево и сталь. Стеллажи пустовали. Я открыла холодильник. Там тоже было пусто. На полках ле-

жала пачка масла, упаковка сыра и бутылка минералки. Вот и всё.

– Ты вообще чем питаешься? Воздухом? – не выдержала я, захлопывая дверцу.

В этот момент Егор зашёл на кухню. Я обернулась и... на секунду забыла, о чём мы говорили.

Он переоделся. На нём были простые чёрные спортивные шорты, низко сидящие на бёдрах. Сверху – ничего. Рельефный, проработанный пресс, широкие плечи, чёткие линии косых мышц. Шрамы – несколько тонких белых полос на рёбрах, один более грубый на плече. Под дублёнкой этого не было видно. В ЗАГСе я ничего не замечала, кроме его ледяного взгляда. Сейчас заметила всё. У него было идеальное мужское тело, которое молодые девчонки представляют себе во влажных фантазиях. Чёрт!

Он не обратил внимания на мой залипший взгляд, натянул через голову чёрную футболку, одним движением, скрыв тот самый пресс от моих глаз.

– Я дома не питаюсь, – ответил он на мой вопрос, подходя к раковине, чтобы набрать воды в стакан.

– Что? – переспросила я, с трудом возвращаясь к теме разговора.

Он повернулся, облокотившись о столешницу, и отпил.

– Ты спросила, чем я питаюсь. Я ответил – дома не питаюсь. Обычно в кафе. Хочешь, могу заказать доставку продуктов. Приготовишь ужин. Жёны, вроде, этим занимаются.

– Ещё чего! – фыркнула я, чувствуя, как снова закипаю.
– Просто доставку еды закажи. Я не буду тебе готовить. Я вообще сюда не для этого приехала. И... пока у меня нет моих вещей, можешь мне что-нибудь из своего одолжить? Хотя бы футболку.

Он молча кивнул, поставил стакан и вышел из кухни. Я последовала за ним в спальню. Он открыл шкаф. Внутри царил идеальный порядок: стопки футболок, полки с джинсами и штанами, вешалки с рубашками и пиджаками. Ничего лишнего.

– Вот, – он указал на полку с аккуратно сложенными футболками. – Можешь любую брать. Они как раз растянутые, как ты любишь.

Я сжала зубы.

– Завтра надо съездить за моими вещами, – заявила я, хмуро глядя на него и скрестив руки на груди.

Он медленно повторил мой жест, тоже скрестив руки. Мышцы на его предплечьях напряглись. Он смотрел на меня прямо, не отводя взгляда.

– Ну, раз надо – съездим, – согласился он.

– А теперь выйди. Мне переодеться надо, – приказала я, указывая на дверь.

Он задержался на секунду. Взгляд его скользнул по мне. Он как будто хотел что-то сказать, но лишь развернулся и вышел, прикрыв за собой дверь.

Я с облегчением выдохнула и потянулась к полке с фут-

болками. Взяла первую попавшуюся, простую серую. Сбросила дурацкое молочное платье и натянула её. Ткань была мягкой, пахла кондиционером. Футболка свисала на мне почти до колен, как короткое платье. Я почувствовала себя немного защищённее в этом чужом, гигантском балахоне.

Нужно было напомнить ему о еде. Эмоции эмоциями, а желудок уже сводило от голода и нервов. Я распахнула дверь, чтобы крикнуть в сторону зала, и... врезалась во что-то твёрдое.

«Что?!»

За дверью стоял Егор. Я резко отшатнулась и чуть не упала.

Глава 9

Отшатнулась, потеряла равновесие и уже приготовилась падать, но оказалась в крепких объятиях Егора. Он ловко поймал меня за плечи, притянул к себе, чтобы я не упала. И на секунду всё замерло.

Я оказалась прижатой к его груди. Его футболка была тонкой, и я чувствовала под ней жар тела, биение сердца – ровное, неспешное, в отличие от моего бешеного стука. Голова запрокинулась, и я смотрела прямо в его лицо. Он смотрел вниз, на меня. Его глаза в полумраке коридора казались совсем тёмными, хотя я точно помнила, что они у него серые. Губы были плотно сжаты.

Мне показалось – нет, мне *почудилось* – что он сейчас наклонится и снова поцелует. Как в ЗАГСе. Сердце заколотилось ещё стремительнее, но я, будто загипнотизированная, продолжала стоять.

Но он не наклонился. Он просто смотрел. Секунду, другую. Дышал ровно, его ноздри трепетали, а пальцы слегка сжали мои плечи, будто проверяя, стою ли я твёрдо.

Потом он отпустил. Выпустил из рук, отступив на полшага.

– Осторожнее, – сказал он своим ровным, лишённым эмоций голосом. – А то и без Хасанова убьёшься о дверной ко-

сяк.

Я продолжала молчать. Мне впервые нечего было сказать ему в ответ. Слишком необычная была моя реакция. Внутри всё колотилось – и от испуга, и от этого странного, внезапного сближения, и от его прикосновения, которое обожгло кожу сквозь ткань футболки. Что это было? Почему у меня перехватило дыхание? Это же просто Чех. Друг брата. Бесчувственный робот. Зомби. Я ведь так его называла. Странный и непонятный. Такие парни редко нравятся женщинам. Ну во всяком случае нормальным точно не нравятся.

Я резко шагнула в сторону и обошла его, стараясь не задеть, и пошла на кухню, едва не сорвавшись на бег. Подальше от этого узкого коридора и от него самого.

Что со мной?

Это просто нервы. Шок. Усталость. Больше ничего, – убеждала я себя.

Через полчаса раздался звонок. Наконец, приехала еда. Егор расплатился и принёс на кухню две большие бумажные сумки. Он начал выкладывать на стол коробки: острые куриные крылья в панировке, картошку фри, два огромных бургера, соусы. Запах жареной курицы и специй заполнил кухню.

Я, уже сидящая за столом, смотрела на это пиршество фастфуда с нарастающим недоумением.

– А ты нормальной еды заказать не мог? – не выдержала я. Он закончил расставлять коробки и сел напротив.

– Какой? – спросил он, как будто действительно не понимал.

– Обычной! Полезной! – я махнула рукой в сторону стола.
– Хоть суши! Хоть пасту! А не вот это... питание для тех, кому на жизнь наплевать.

– Ты что-то имеешь против курицы? – поинтересовался он, открывая коробку с крыльями. – Это белок.

Я посмотрела на него, потом на гору еды, от которой аппетитно пахло. Спорить было бессмысленно. Руки сами потянулись к бургеру. Голод был сильнее брезгливости.

Мы ели молча несколько минут. Затем я, откусив кусок, решила вернуться к теме.

– Если ты собираешься каждый день заказывать такую еду, то через месяц я отсюда не выйду, а выкачусь, – заявила я. – Боком.

Он покосился на меня, пережёвывая картошку.

– Ну, есть ещё вариант, – ответил он. – Если ты будешь сама готовить.

– Я тебе не настоящая жена, – напомнила я ему с вызовом, отодвигая коробку с крыльями, от которых горело во рту. – Я здесь временно. Не для того, чтобы тебя кормить.

– Не для меня, – поправил он меня, вытирая пальцы салфеткой. – Ты можешь готовить для себя. Напиши мне список продуктов, я закуплю. Ну а я могу составить тебе компанию за ужином.

Я бросила на него взгляд, полный скепсиса.

«Ну-ну, мечтай», – сказал этот взгляд. Я не стала отвечать вслух.

После ужина я собрала коробки и упаковки и принялась за уборку. Это было почти медитативное занятие, чтобы расслабиться и подумать. Выбросила мусор, поставила грязную посуду в раковину, включила воду. Шум воды заглушал тишину квартиры. Я стояла, смотрела на тарелки перед собой в руках, мыла их и пыталась не думать о сегодняшнем дне, о Егоре, о том поцелуе... Мне вообще о Егоре не надо думать. А вот что там с Адамом это интересно. Хоть как-то ведь должна на него повлиять эта газетная новость, если даже в новостях об этом говорили.

Я резко развернулась, чтобы взять полотенце, и вскрикнула.

Егор стоял прямо за моей спиной. Совсем близко. Облокотившись бедром о кухонный стол, скрестив руки на груди. Смотрел. Сколько он тут простоял? Я ничего не слышала.

– Егор! – выдохнула я, прижимая мокрую руку к груди. – Ты меня достал! У меня чуть сердце не остановилось!

Его лицо оставалось невозмутимым, только в уголках глаз появились едва заметные лучики морщинок. Это было почти что улыбка.

– Да ладно, – произнёс он. – Не такой уж я и страшный.

– Ты на маньяка похож, – прошипела я, стараясь отдышаться. – Прекрати за мной следить вот так тихо! Хоть как-то оповещай о своём присутствии! Кашляни, топни! Чёрт!

Он слегка кивнул, будто принимая к сведению мою просьбу.

– Хорошо.

Но он не ушёл. Он продолжал стоять, и это молчаливое присутствие снова начало на меня давить. И снова внутри поднялась та же смутная, тревожная волна, что и в коридоре. Смесь страха, раздражения и... чего-то ещё, чего я не хотела признавать. Мне снова захотелось сбежать.

Я быстро вытерла руки, прошмыгнула мимо него, не глядя, и почти побежала в зал. Упала в его чёрное кожаное кресло. Оно было большим, глубоким и пахло кожей. Я нащупала пульт, включила телевизор. Голос ведущего новостей заполнил пустоту. Я уставилась в экран.

Через минуту в поле моего бокового зрения появилась тень. Егор подошёл и встал прямо рядом с креслом. Просто стоял, глядя на телевизор, а может, на меня. Его близость снова заставила меня напрячься.

– Ты теперь всё время будешь преследовать меня по квартире? – спросила я, не отрывая взгляда от экрана.

– Нет, – ответил он. – Просто это моё кресло.

Я медленно повернула голову и посмотрела на него снизу вверх. На его спокойное, невозмутимое лицо.

– И что? – спросила я. – Мне теперь на пол сесть?

Он наклонился чуть ближе, опершись рукой о спинку кресла рядом с моей головой. Его голос прозвучал прямо у моего уха, тихо, почти интимно, но с той же леденящей пря-

мотой:

- Можешь ко мне на колени.
- Я тебе не маленькая девочка.
- Других вариантов я не вижу, как нам разместиться перед

телевизором.

- Вот поэтому я и говорю, что тебе нужен диван.
- Не нужен. Мы можем прекрасно разместиться с вместе

тобой.

Егор протянул ко мне руки, я даже не успела отшатнуться, приподнял меня за талию, вынул из кресла, сел сам и посадил меня к себе на колени. Это было так странно и в то же время волнующе. Я замерла только на пару секунд, но тут же рванула с его коленей.

Глава 10

Отскочила на два шага, будто меня ударило током, и упёрлась взглядом в его лицо.

– Не делай так больше, – возмутилась я. – Не трогай меня. Мы же договорились. Это всё – для вида. Только для вида.

Он сидел в кресле, откинувшись назад, в той же позе, что и до моего «перемещения». Только теперь его руки лежали на подлокотниках. Он смотрел на меня. И на его лице... была едва уловимая тень улыбки. Не злой, не насмешливой. Скорее... заинтересованной. Как будто он проводил эксперимент и получил ожидаемую реакцию.

– Тебя что, в детстве на коленки не сажали? – спросил он своим ровным голосом. Вопрос прозвучал так невинно, что это взбесило вдвойне сильнее.

– В детстве – да! – выпалила я, чувствуя, как горит лицо. – Но мне уже двадцать пять, Егор! И ты мне не отец, не дядя и вообще никто! Ты не можешь просто так брать и сажать меня, куда тебе вздумается!

– Почему? – он наклонил голову набок. – Это самый эффективный способ решить проблему с одним креслом на двоих. Ты не хотела на пол. Диван я покупать не буду. Логично?

В его «логике» явно не учитывались чувства и порядоч-

ность. Он мыслил категориями задачи и решения, полностью игнорируя все эмоциональные и социальные нормы.

– Это не логично, это абсурдно! – я ткнула пальцем в его направлении. – И вообще, ради приличия ты мог бы уступить даме место.

– Даме да. А ты моя жена. Мы можем сидеть вместе. В чём проблема?

Он реально издевался надо мной. Вообще, сейчас было бы правильно пойти и сесть рядом с ним, чтобы показать, что меня он вообще никак не задевает. Вот только я себе в последнее время не доверяла. То ли нервы сдавали, то ли Егор обладал удивительным свойством выводить меня из себя.

– Ладно! – выпалила я, отступая к центру комнаты, подальше от него и от этого проклятого кресла. – Сиди в своём троне. Раз ты не джентльмен, а я...я пойду спать.

– Как хочешь, – пожал он плечами.

Я побрела в спальню, захлопнув за собой дверь. На этот раз я повернула ключ. Тихий щелчок замка прозвучал как победный марш. Пусть маленькая, но победа. Не будет же он в собственной квартире дверь ломать. Вот пусть и спит в своём долбанном кресле.

Я забралась на свою – нет, *его*– половину огромной кровати, уткнувшись лицом в подушку, которая пахла тем же кондиционером, что и футболка. Но сквозь этот запах я чуяла другой, едва уловимый – его. Muskusный, чистый, мужской.

«Не думай о нём. Думай о завтра. О вещах. О том, как

забрать свои вещи из квартиры», – приказывала я себе.

Но перед глазами снова стоял он. Его глаза в полумраке коридора. Его руки, ловящие меня. Его твёрдые колени подо мной. И этот тихий, безэмоциональный голос: «Можешь ко мне на колени».

Я зарылась глубже в подушку, пытаюсь заглушить странное, тревожное тепло, разливавшееся по телу. Это точно были нервы. И усталость. И шок. И больше – ничего.

Спустя полчаса звук телевизора в зале стих. Потом послышались его шаги – лёгкие, почти неслышные. Они остановились у моей двери. Я затаила дыхание, вся превратившись в слух.

Егор постоял несколько секунд. Потом я услышала, как он тихо толкнул дверь. Замок не поддался. Раздался едва уловимый звук – то ли вздох, то ли усмешка.

Я затаила дыхание, услышав, как его шаги отдаляются. Казалось, выдержала. Выстояла. Он принял мой маленький бунт – запертую дверь – и оставил меня в покое. Натянутые до предела нервы начали потихоньку отпускать. Я перевернулась на спину, уставившись в потолок, пытаюсь заставить тело расслабиться.

И вдруг – тихий, чёткий щелчок в замке.

Сердце провалилось куда-то в пятки.

Дверь беззвучно отворилась, и в проёме возникла его высокая, тёмная фигура. Он вошёл, закрыл дверь за собой и

остановился, давая глазам привыкнуть к темноте. Я лежала, не шевелясь, притворяясь спящей, но каждый мускул был напряжён до боли.

Он не сказал ни слова. Я слышала лишь мягкий шелест ткани. Сначала – футболка, снятая через голову, потом шорты бесшумно упали на пол.

Я чувствовала, как по моей коже побежали ледяные мурашки, хотя в комнате было тепло.

Матрас ощутимо просел под его весом.

Он вытянулся рядом. Большой, реальный, живой. От него исходило такое тепло, будто рядом включили мощную батарею. Оно обволакивало, проникало сквозь одеяло и тонкую ткань футболки на мне. Мурашки снова побежали по коже, и на этот раз это был чистый, животный инстинкт – осознание огромного, сильного самца, лежащего в нескольких сантиметрах.

Я затаила дыхание, напряглась, ожидая... Чего? Не знала. Но его присутствие здесь, в этой темноте, было невыносимым.

Я резко перевернулась на другой бок, спиной к нему, отодвинувшись на самый край. Но это ничего не изменило. Его тёплое излучение всё равно касалось меня.

Неожиданно его тяжёлая рука легла на мою талию. Тёплая, уверенная ладонь на моём животе. И он мягко притянул меня к себе. Я почувствовала спиной всю мощь его груди, жар кожи, биение сердца. Он обнял меня сзади, устроившись

так, будто мы спали всю жизнь вместе.

Всё внутри перевернулось. Паника, злость, невероятная, дурацкая неловкость и что-то ещё, от чего в животе ёкнуло.

– Ты опять забыл про наш уговор! – выдохнула я, пытаюсь вырваться из его объятий. Мои попытки были жалкими – он даже не пошевелился, его рука прижала меня плотнее. – Мы женаты не по-настоящему!

Его голос прозвучал прямо у моего уха, совершенно спокойный:

– Я помню.

– Тогда отпусти меня! – процедила я сквозь зубы.

Он вздохнул. Тёплый выдох коснулся моего уха, заставив вздрогнуть.

– Я же не насилую тебя, – произнёс он с той же бесстрастной логикой. – Так что спи.

И всё. Он замер. Его дыхание стало ровным и глубоким, рука по-прежнему лежала на мне, властно и в то же время... будто защищая. Я лежала в оцепенении, прижатая к нему всем телом, слушая, как он засыпает. Тело было сковано, разум метался.

Оттолкнуть? Это невозможно, он сильнее. Смириться? Тем более невозможно.

Но постепенно, против моей воли, напряжение начало спадать. Тепло его тела проникало в зачоченевшие мыш-

цы, тяжёлая рука, как ни парадоксально, создавала странное ощущение... защиты. Как будто за этой спиной и этой рукой уже ничего не страшно. Даже Адам Хасанов.

Я лежала с широко открытыми глазами в темноте, слушая его ровное дыхание и чувствуя, как граница между «для вида» и «по-настоящему» в эту первую ночь медленно, неотвратно стирается. И я абсолютно не знала, что с этим делать.

Глава 11

Утро пришло с ощущением уютного тепла и безопасности. Я просыпалась медленно, выныривая из глубокого и странного сна. Мой мозг ещё не включился, но тело уже чувствовало: что-то не так. Вернее, слишком хорошо.

Я лежала, прижавшись щекой к твёрдой груди, чувствуя ровные удары сердца под ухом. Ладонью я ощущала горячую кожу, а моя нога закинута была на чью-то ногу.

Сознание включилось с мгновением. Я открыла глаза. Прямо перед моим лицом был мужской торс. Я обнимала Егора и крепко прижималась к нему, как к плюшевому мишке.

В животе всё оборвалось. Какого чёрта? Потом вспомнила: ночью, после его «логичных» объятий, я долго лежала в напряжении, а потом... потом, видимо, уснула. И во сне инстинктивно потянулась к источнику тепла и защищённости.

Пока я приходила в себя, ощутила что-то твёрдое и плотное, упирающееся мне в бедро. Не сразу сообразив, я попы-

талась отодвинуть этот дискомфортный предмет рукой. Моя ладонь нащупала его сквозь ткань. Она обхватила... обхватила...

Мозг пронзила молния. Я *поняла*, что это. Вздогнула всем телом и резко, рванула от него, откатившись на край кровати, на свою половину. Сердце бешено колотилось, по лицу разлился жар.

Тихий, мужской смешок прилетел мне в спину. Егор не спал.

Я повернулась. Он лежал на боку, подперев голову рукой, и смотрел на меня. Его серые глаза смотрели на меня с откровенной, беззлобной насмешка.

– Что смешного? – прошипела я, ещё больше загораясь от стыда.

– Не надо так пугаться, – сказал он своим ровным голосом. – Это простая физиология. Утренняя эрекция. Ничего личного.

– Ну надо же, – язвительно выдохнула я, пытаюсь скрыть панику за грубостью. – А я уж подумала, это ты так на меня реагируешь.

– Нет, можешь не переживать, – парировал он, и в его голосе зазвучали нотки холодного сарказма. – У любого здорового мужчины с утра стоит. Или вы этого в школе на биологии не проходили?

– Ой, не умничай! – огрызнулась я, отводя взгляд.

– Ну слава богу, – продолжил он с той же невозмутимо-

стью. – А то я уж подумал, ты девственница и вообще не в курсе базовых процессов.

Это было уже слишком. Злость пересилила стыд.

– Кто бы говорил! – бросила я ему в лицо. – У тебя самого-то девушки были? Или только руки и другие подручные средства?

Я ожидала, что он смутится, рассердится, отмахнётся. Но он не сделал ничего из этого. Его лицо стало серьёзным. Он медленно приподнялся на локте.

– Были, – сказал он коротко и чётко, глядя мне прямо в глаза. Потом, быстрым движением, которого я никак не ожидала, он протянул руку, схватил за талию и резко притянул к себе, так что наши лица оказались в сантиметрах друг от друга. – Хочешь проверить?

В одну секунду Егор изменился. Исчез тот молчаливый, немного странный друг брата. Передо мной был жёсткий, опасный, абсолютно уверенный в себе мужчина. Его глаза стали холодными и колючими. И мне стало страшно. По-настоящему. Но вместе со страхом по телу пробежала предательская, электрическая дрожь.

– Отпусти меня. Сейчас же, – процедила я сквозь стиснутые зубы, упрямо задирая подбородок. Я упёрлась ладонями в его грудь, но сдвинуть его было невозможно. – Я сама выбираю себе мужчину, с которым хочу переспать. И ты в эту категорию неходишь.

Он не ответил, просто смотрел на меня. Его взгляд скольз-

нул по моим губам. А потом он наклонился и поцеловал меня.

Но это был не тот формальный поцелуй из ЗАГСа. Это было жёстко. Грубо. Это была месть за мои слова, подавление моего бунта, наказание. Его губы прижались к моим с такой силой, что даже стало немного больно. Его язык требовал входа, и я, пытаясь сопротивляться, стиснула зубы. Мои попытки вырваться, оттолкнуть его были жалкими, как попытки бабочки вырваться из стальных лап паука. Я билась, упиралась, но его хватка и его поцелуй только становились увереннее.

И странное дело – чем яростнее я боролась, тем сильнее внутри всё сдавалось. Паника и злость начали замещаться острым, жгучим, пьянящим. Моё тело начало отвечать. Зубы разжались. Руки, которые только что отталкивали, ослабли. Я не отвечала на поцелуй, нет. Но я перестала сопротивляться. Допустила его.

Он почувствовал это мгновенно. Его поцелуй стал не менее уверенным, но теперь в нём появилась... нежность.

И так же резко, как начал, он закончил. Отстранился. Мы оба дышали неровно. Он смотрел на меня, и в его глазах снова плескалась та же насмешка, но теперь приправленная чем-то тёмным и голодным.

– И сейчас я тоже в эту категорию не вхожу? – спросил он хрипло.

Мой мозг, затуманенный, с трудом соображал, о чём он.

Потом я вспомнила. Свои же слова. «С мужчиной, с которым хочу переспать...»

– Заставить девушку силой может каждый, – выдохнула я, всё ещё пытаюсь прийти в себя. – А ты сделай так, чтобы я сама захотела тебя поцеловать.

Уголок его губ дрогнул.

– Попросишь, – заявил он просто.

– Вот ещё! – фыркнула я, пытаюсь вернуть себе хоть крупицу достоинства.

– Давай поспорим.

– Я что, на школьницу похожа, чтобы на такие вещи спорить? – огрызнулась я.

– А, понятно, – протянул он с преувеличенным пониманием. – Испугалась. Знаешь, что проспоришь.

Это была подлая манипуляция. Я развернулась и толкнула его кулачком в грудь.

– Этого никогда не будет! Хоть ты заспорься! Даже если земля перевернётся, я *никогда* не попрошу тебя поцеловать себя!

Он медленно протянул ко мне руку, ладонью вверх, как для рукопожатия.

– Спорим?

Я попыталась резко выкатиться с кровати, уйти от этого абсурда, но он был быстрее. Его рука снова обхватила меня талию. Он повалил меня на спину. Я ахнула. В следующее мгновение мои запястья оказались в его железной хватке и

были прижаты к матрасу по обе стороны головы. Он навис надо мной, блокируя своим телом любое движение.

– Либо ты соглашаешься на спор, – сказал он тихо, – либо я буду целовать тебя дальше. Прямо сейчас. И не только целовать. Выбирай.

Я закатила глаза, пытаюсь изобразить презрение, но всё внутри меня тряслось от дикого, животного напряжения. Я была в шоке. Где тот скромный, неразговорчивый парень? Кто этот жёсткий, опасный, доминирующий мужчина, смотрящий на меня с таким хищным вызовом?

Сопротивляться дальше в этой позиции было бессмысленно и... опасно. Опасно не потому, что он сделает что-то плохое. А потому, что часть меня, та самая, что дрожала, уже не была уверена, что *хочет* сопротивляться.

– Хорошо, – выдохнула я сдаваясь. – Спорим. Но я никогда не попрошу об этом. А сейчас отпусти меня. Сейчас же.

Он не стал торговаться. Его хватка ослабла, он откатился, освобождая меня. Я, не теряя ни секунды, сорвалась с кровати, как ошпаренная, и бегом ринулась в ванную, захлопывая дверь и поворачивая замок. Я прислонилась к холодной двери, прижала ладони к пылающим щекам и слушала, как бешено стучит сердце.

За дверью послышался его спокойный, ровный голос:

– На завтрак закажу что-нибудь «нормальное». И через полчаса выезжаем за твоими вещами, жена.

Глава 12

Я прислонилась к холодной двери ванной, пытаюсь унять дрожь в коленях.

«Жена». Теперь это слово вызывало не только раздражение, но и смутную, тревожную дрожь. А ещё – воспоминание о его губах на моих. О его руках, прижимающих мои запястья. О том, как тело предательски отозвалось.

«Соберись, Алёна, – приказала я себе. – Сначала завтрак. Потом вещи».

Через полчаса, как он и обещал, приехала доставка. Я вышла, стараясь не смотреть на него. На кухонном столе стояли контейнеры с контейнерами с омлетом, сырниками, йогуртами, свежими фруктами и кофе. Аромат был божественным. Мы молча позавтракали – он смотрел в телефон, я в окно и иногда украдкой за ним. Егор был спокоен, сосредоточен, будто утренней схватки в постели и не было.

Как он это делает? Стирает всё, как стирают пыль с мебели?

– Готовься, через десять минут выезжаем, – сказал он, вставая, убрал посуду в раковину.

Я переоделась, чувствуя себя идиотски – снова в этом нарядном платье и в своих старых ботинках. Он накинул свою чёрную дублёнку, и мы вышли.

В машине стояла всё та же напряжённая тишина. Я смотрела в окно, прокручивая в голове, что именно мне нужно взять из квартиры. Книги, ноутбук, одежду, документы. Мысли о том, что мне придётся жить в его спартанской квартире, вызывали тоску. Мысли о нём – странную панику.

Когда внедорожник остановился у моего старого дома, я выскочила, не дожидаясь, пока он обойдёт и откроет дверь.

– Я сама, – бросила я через плечо, направляясь к подъезду. – Быстро соберу самое необходимое.

Его шаги за спиной были моим ответом. Он не спорил, не настаивал. Он просто шёл за мной, как тень. Моя раздражённая попытка отгородиться разбилась о его молчаливое, непробиваемое упрямство. Пришлось смириться.

В подъезде воняло сигаретами. Опять кто-то из жильцов курил на площадке.

Подходя к двери, я уже нащупывала в кармане пуховика ключи. Подняла голову и замерла. Возле моей квартиры, прислонившись к стене, стоял мужчина. Крупный, в спортивной куртке, с короткой стрижкой. Он курил, а его взгляд пустой были направлен на меня. Я узнала его – это был один из «сотрудников» Адама. Его звали Виктор, кажется.

Увидев меня, он медленно выпрямился.

Ледяная волна страха окатила меня с ног до головы. Они уже здесь. Они ждут.

– Алёна Афанасьева? – его голос был низким, глухим.

Я неосознанно сделала шаг назад и наткнулась на твёрдую

грудную клетку. Я не успела ответить, не успела даже сделать шаг назад. Из-за моего плеча, бесшумно, как призрак, вышел Егор. Он шагнул вперёд, оказавшись между мной и незнакомцем, и в его движении была такая спокойная, смертоносная уверенность, что у того рефлекторно съехались брови.

– Тебе чего? – спросил Егор. Голос у него был ровный, даже ленивый.

Виктор швырнул окурок, не спуская с нас глаз. Ухмыльнулся.

– Алёнушка. Тебя шеф ждёт. Просил передать, чтобы зашла к нему побеседовать. По-хорошему. По старинке.

– Она никуда не пойдёт, – сказал Егор, и в его тоне появилась сталь. – И передай своему шефу, чтобы больше не беспокоил мою жену.

Виктор удивлённо поднял бровь, его взгляд скользнул с меня на Егора.

– Жена? – переспросил он с неподдельным интересом. – Это новость. А шеф не в курсе.

– Не мои проблемы, – ответил Егор. Он стоял расслабленно, руки в карманах дублёнки, но всё его тело излучало такую концентрацию силы, что воздух вокруг казался гуще.

Виктор явно не ожидал такого поворота. Он, видимо, рассчитывал на испуганную девушку, а не на холодного, уверенного в себе мужчину, который не боится назвать её своей. Но приказ, видимо, был приказом.

– Девочка, – обратился он через плечо Егора ко мне, иг-

норируя его. – Не усложняй. Сама знаешь, Адам не любит, когда ему перечат.

Это была ошибка. В тот момент, когда он попытался сделать шаг в сторону, обходя Егора, чтобы схватить меня за руку, всё произошло мгновенно.

Рука Егора вылетела из кармана. Открытая ладонь с жёстким ребром ударила Виктора по гортани. Тот захрипел, закашлялся, потеряв на секунду дыхалку. Этой секунды хватило. Егор схватил его за куртку, резко провернул и с силой ударил коленом под дых. Виктор согнулся пополам с глухим стоном. Потом последовал короткий, точный удар в челюсть. Виктор рухнул на грязный пол подъезда и застонал.

Всё заняло не больше пяти секунд. Без шума, без криков. Только хрипы и глухие удары.

Я стояла, вжавшись в стену, с круглыми от ужаса и шока глазами. Я знала, что Егор – снайпер, бывший военный. Но видеть это вживую...я не могла подобрать слова, чтобы описать всю полноту моего шока.

Егор стоял над лежащим Виктором, даже не запыхавшись. Он наклонился, сунул руку во внутренний карман его куртки, достал телефон. Разблокировал, взяв отпечаток с безвольной руки, нашёл в контактах «Шефа» и набрал.

Поднёс трубку к уху, глядя в стену. Я видела, как его челюсть слегка напряглась.

– Хасанов, – сказал он ледяным голосом. – Это Чернов. Твой человек сейчас лежит у квартиры моей жены. Восста-

навливаться будет долго. Следующий, кто подойдёт к ней ближе, чем на пять метров, не встанет вообще. Алёна теперь моя жена. Понятно?

Он бросил телефон на грудь Виктору. Потом повернулся ко мне.

– Кажется, мы одну деталь упустили, – сказал он, глядя на меня своими пронзительными серыми глазами. – Надо было оповестить Хасанова, что ты теперь моя. Официально.

Он подошёл ближе, взял из моих оцепеневших пальцев ключ, вставил его в замок и повернул. Дверь открылась.

– Собирай вещи, Алёна, – мягко сказал он. – И побыстрее.

Глава 13

Алёна прошла в квартиру и захлопнула дверь.

Звук шагов затих. Наступила тишина, нарушаемая только хрипом у моих ног.

Первым делом – опустился на корточки рядом с Виктором. Он приходил в себя, хрипел, держась за горло. Глаза мутные, но уже осознающие, кто перед ним.

– Расслабься, – сказал я ровно. – Будешь паинькой, больше не трону.

Я обыскал карманы его куртки. Проверил телефон, паспорт. Виктор Седов. Прописка в соседнем районе. Внутренний карман – удостоверение сотрудника частного охранного агентства «Щит». Предсказуемо. Хасанов любит нанимать таких – полузаконных, с криминальными замашками, но формально чистых. В кобуре под мышкой – «Наган», старенький, но ухоженный. Нож – обычный складной.

– Работаешь на Хасанова давно? – спросил я, не ожидая честного ответа. Он только хрипло выругался.

Видимо, достаточно. Засунул документы обратно, встал. Нужно было убрать его с глаз долой. Схватил под мышки, потащил к лестнице. Он кряхтел, но не сопротивлялся. Спустил на площадку ниже, прислонил к стене у мусоропровода.

– Сиди тут. И не забудь Хасанову передать, что в следую-

ший раз я таким добрым не буду, – я отошёл от него. Главное, чтобы не валялся у Алёниной двери.

Я вернулся в квартиру. Дверь оставил приоткрытой. Нужно было оценить обстановку. Квартира небольшая, но уютная. Не как моя пустыня. Книги на полках, плед на диване, запах дома и каких-то цветов. Женское.

Прошёлся по комнатам быстрым шагом. Спальня – кровать застелена, на тумбочке журнал. Ванная – порядок, минимум косметики. Ничего подозрительного. Вернулся в зал. Мой взгляд упал на шкафчик с фотографиями.

Большинство – с Артуром. Вот они маленькие, он держит её на плечах. Вот подростки, она корчит рожу. С родителями. С подругами. Жизнь. Настоящая.

И одна – большая, в серебряной рамке. Я подошёл ближе. На фото – она и Хасанов. На воздушном шаре. Он обнимает её за талию, они смеются. Она смотрит на него так... доверчиво. Глупая.

Меня скрутило от внезапной, острой гадливости. Я знал Адама Хасанова. Не лично, но по делам. Подонок в дорогом костюме. Любитель молоденьких эскортниц, тёмных схем и показательной благотворительности. Женитьба на такой, как Алёна – чистой воды пиар. Красивая, умная, независимая журналистка – идеальный фасад.

А потом? Потом – золотая клетка. Запрет на работу. Постоянные «командировки» с другими. Одиночество. Разрушенная жизнь.

И она, дура, влюбилась. Пословица права – любовь зла, полюбишь и козла. Она просто не понимала, в какую кабалу лезет. Повезло, что вовремя глаза открылись. Шампанским, правда, отблагодарила своеобразно. Но лучше так, чем потом годами выплакивать сломанную судьбу.

В этот момент в зал вошла она. Увидела, куда я смотрю. Лицо её исказилось. Она подошла к шкафу, схватила рамку. Держала так, будто хотела раздавить. Потом попыталась вытащить фото, но пальцы дрожали. Рамка выскользнула, ударилась о паркет. Стекло – дзинь! – рассыпалось звёздочками.

Я сделал шаг вперёд, но она уже присела, чтобы собрать осколки.

Резкое «Ай!», отдёргнутая рука. На пальце – глубокая, зияющая рана, кровь алая, живая, хлещет на пол.

– Где аптечка? – спросил я спокойно.

Она подняла на меня глаза. Испуганные, полные боли и какого-то детского недоумения. Побледнела так, что веснушки стали видны, как крапинки на снегу.

– Там... – прошептала она и, не закончив, закатила глаза. Руки обмякли, тело поплыло вперёд.

Чёрт! Едва успел подхватить её, прежде чем она грохнулась бы на осколки. Лёгкая, почти невесомая.

Вот тебе и сильная женщина, – мысленно усмехнулся я. – От вида собственной крови – в обморок. Хотя, после такого утра это неудивительно.

Отнёс на диван, уложил. Проверил пульс – учащённый, но

ровный. В обмороке. Неглубоком.

Пошёл в ванную, намочил полотенце, вернулся. Протёр ей лоб, лицо. Потом взял её порезанную руку. Рана – серьёзная, стекло, похоже, глубоко вошло. Кровь не останавливалась. Зажал края пальцами, туго перетянул сверху чистым уголком полотенца, чтобы замедлить кровоток.

Аптечка. Где она её обычно держит? Вспомнил её испуганный взгляд на шкаф. Там, где фотки. Осмотрелся. В нижнем отделе того же шкафа увидел белую коробку с красным крестом. Вытащил.

Перекись, вата, бинт, пластырь. Всё, что нужно. Аккуратно размотал полотенце. Полил перекисью на рану – она даже не шелохнулась. Очистил, осмотрел. Стекло, к счастью, вышло полностью, остался чистый, глубокий порез. Плотно забинтовал.

Как раз в этот момент она зашевелилась. Застонала. Открыла глаза. Сначала – пустые, ничего не понимающие.

– Что случилось? – прошептала она.

– Порезалась. Упала в обморок, – ответил я кратко, завязывая узел на бинте.

Она посмотрела на свою забинтованную руку, потом на меня. В глазах – остаточный ужас и стыд.

– Я долго была в отключке?

– Нет. Но с вещами надо поторопиться, – сказал я, вставая и собирая аптечку.

Она кивнула и поднялась с дивана. Сделала шаг в сторону

комнаты – прямо к тому месту, где на полу всё ещё лежали неубранные осколки стекла.

– Эй! – я схватил её за локоть и оттащил назад, прижал к себе. Она вскрикнула от неожиданности. – Ты решила сегодня живой из квартиры сегодня не выйти? – не выдержал я, качая головой.

И тут я почувствовал, как она начала дрожать. Сначала мелкой, прерывистой дрожью, потом сильнее. Всё её тело затряслось у меня в руках. И вдруг – тихий, сдавленный звук. Она уткнулась лицом мне в грудь, и её плечи затряслись от беззвучных рыданий.

Вот тебе раз. Растерялся на секунду. Не ожидал. Она держалась всё это время – скандал, свадьба, переезд, даже бандита у двери. А сломало её разбитое фото и порезанный палец. Видимо, последняя капля.

Знакомое состояние. Шок. Когда адреналин спадает, и накрывает осознание всего ужаса. У солдат бывает. Ничего не скажешь, не объяснишь. Нужно просто переждать.

Поэтому я не стал говорить утешительную ерунду. Я просто обнял её крепче. Одну руку положил на спину, другой гладил её волосы – тяжёлые, пахнущие чем-то цветочным. Она рыдала, всё сильнее, всё отчаяннее, и я чувствовал, как её слёзы пропитывают мою футболку. Я молчал. Просто стоял и держал. Муж. Смешно звучит. Я и это слово в моём сознании никогда не пересекались. Да и Алёну я не воспринимал как девушку. Вернее, видел, что красивая, но сест-

ра друга – это табу. Нельзя. Просто переспать с ней, значит, лишиться друга. А серьёзных отношений у меня и не было, нет времени. Но к ней тянет, мне нравится видеть, как она смущается. Как замирает испуганно, когда я приближаюсь к ней. Это заводит. А сейчас она плачет, словно маленькая девочка. Будто мы вернулись в прошлое. Её тогда мальчишки обидели со двора, обозвали и грязью обкидали. А мы с Артуром и Градом пошли на разборки. Не потому, что Артур попросил, потому что за Алёну отомстить сам захотел. Вот и сейчас от её слёз хочется пойти и порвать Хасанова на куски. Урод грёбанный. Такую девочку обидел.

Постепенно рыдания стихли, сменились тихими всхлипами. Она ослабела, обмякла в моих руках, но не отстранялась. Я тоже не спешил отпускать.

Наконец, она выдохнула, глубоко, с присвистом, и отодвинулась, вытирая лицо тыльной стороной здоровой руки.

– Всё, – сказала она сипло. – Всё, хватит. Отпусти.

В её голосе снова появилась знакомая упрямая нотка.

– Стой здесь, – приказал я уже своим обычным тоном. – Я уберу стекло и помогу собирать твои вещи.

Она безропотно кивнула, опустившись на диван. Я быстро смел осколки, прошёл в спальню. Сумки уже были почти готовы. Доложил туда ноутбук, папку с бумагами, пару книг с тумбочки, которые она сказала. Всё.

Вернулся в зал с сумками.

– Всё? – спросил.

– Да, – кивнула она, поднимаясь.

Я взял сумки в одну руку, другой взял её под локоть.

– Идём.

Она не сопротивлялась, шла рядом, прижимая забинтованную руку к груди. Я в последний раз окинул взглядом её квартиру. И только сейчас заметил, что фотография со смеющимся Хасановым осталась лежать на столе, порванное наполам. Символично.

Глава 14

Я сидела в машине, сжавшись в комок, и смотрела в боковое стекло, но не видела ни домов, ни людей. Видела только своё отражение в стекле – бледное, с красными, опухшими глазами.

Слёзы. Опять эти дурацкие слёзы.

Я ненавидела себя в эту секунду. Ненавидела эту слабость, которая прорвалась наружу в самый неподходящий момент. Как же так? Я же не маленькая девочка, которая ревёт из-за царапины. Я – сильная. Я всегда была сильной. и должна быть сильной.

А сегодня? Сегодня я разревелась, как последняя дура, из-за разбитой рамки и порезанного пальца. Из-за фотографии с тем ублюдком.

Внутри всё горело огнём от стыда сильнее, чем боль в пальце. Я украдкой взглянула на Егора. Он смотрел на дорогу, как всегда, спокоен и сосредоточен. Ни одного слова. Ни одной попытки меня утешить, погладить по голове или сказать что-то вроде «всё будет хорошо». Он молчал. И я была ему безмерно за это благодарна.

Если бы он начал меня жалеть, если бы хоть как-то прокомментировал мои слёзы – я бы, наверное, со стыда сгорела. Или снова расплакалась, но уже от унижения. А его мол-

чаливое принятие, его тактичное невмешательство дали мне возможность собрать остатки достоинства. Он дал мне странство, чтобы я сама справилась со своим позором.

Я сильная. Я справлюсь. Это просто царапина. И просто слеза. Одна из многих. Ничего страшного.

Я повторяла это про себя, как мантру, пока машина не остановилась у знакомого подъезда.

Егор вышел, достал мои сумки из багажника. Я последовала за ним, в лифте прислонилась к стене и закрыла глаза, чтобы не видеть его.

В квартире он поставил сумки в прихожей и повернулся ко мне.

– Мне нужно отлучиться по делам, – сказал он. – Ты остаёшься здесь. И не вздумай выходить. Даже в подъезд. Поняла?

Я кивнула, не глядя на него. У меня не было сил спорить. Да и желания тоже. Выйти? Куда? В мир, который за дверью мог поджидать очередной посланный человек Адама? Нет уж, спасибо.

– Дверь бронированная, – он похлопал ладонью по поверхности. – Вот верхний засов, вот нижний. Вот цепочка. Защёлкивай всё, как только я выйду. Здесь ты в безопасности. Я скоро вернусь.

Он ждал моего подтверждения. Я снова кивнула.

– Хорошо, – он открыл дверь, вышел и захлопнул её за собой.

Я послушно подошла, щёлкнула тяжёлым верхним засовом, потом нижним, защёлкнула цепочку. Звуки металла, входящего в пазы, были глухими и надёжными. Я была заперта. В безопасности. Как в бункере.

Тишина.

Я обернулась, прислонившись спиной к двери, и окинула взглядом коридор.

Мне нужно было чем-то заняться. Сидеть и копаться в своих мыслях – верный путь к новой истерике. Я направилась в зал, схватила пульт, включила телевизор. На каком-то канале шла комедия. Люди на экране смеялись, шутили, попадали в нелепые ситуации. Я уставилась на экран, пытаюсь вникнуть в сюжет.

Но тревога, сидящая глубоко в груди, не давала покоя. Это было физическое ощущение – комок где-то под рёбрами, холодные мурашки по спине. Мои мысли скакали: Адам, его угрозы, этот Виктор в подъезде, его хрип, когда Егор... Я зажмурилась, пытаюсь вытеснить картинку.

Я не могла сидеть. Встала, начала ходить по залу взад-вперёд, как тигр в клетке. Мне нужно было занять чем-то руки. Прибраться? Но здесь и прибраться не к чему. Всё сияло чистотой.

Может поесть. Или приготовить что-нибудь.

Я зашла на кухню и открыла холодильник. На полках лежали: яйца, молоко, помидоры, куриное филе, зелень, немного овощей. Егор всё-таки заказал продукты. Просто и

без изысков, но из этого можно было что-то сделать.

Механические действия: помыть, порезать, посолить, помешать. Руки заняты, мозг сосредоточен на рецепте, а не на проблемах в жизни.

Я достала продукты, нашла сковороду и кастрюлю. Включила воду, стала мыть овощи. Прохладная вода омыла пальцы, и я вздрогнула, когда она попала на бинт. Рана под ним дёрнулась тупой болью.

– Ничего. Ерунда, – прошипела я себе и продолжила.

Начала резать лук. Ровные, автоматические движения ножа. Запах сразу ударил в нос, и глаза защипало.

Нарезала курицу, посолила, поперчила. Включила плиту, нагрела масло.

Помешивала, наблюдая, как белое филе становится золотистым. Потом добавила лук, морковь. Аромат начал заполнять кухню – простой, домашний, успокаивающий.

Мысли, наконец, упорядочились, отступив на второй план перед необходимостью следить, чтобы ничего не пригорело. Я сварила гречку, сделала простой салат из огурцов и помидоров. Без изысков, но сытно.

Когда всё было готово, я расставила тарелки на столе – две. Потом остановилась и убрала одну обратно в шкаф. Он же сказал, что не вернётся к обеду.

Я села одна за стол в его пустой квартире, с моей одинокой тарелкой, и попыталась есть. Еда была нормальной, даже вкусной. Но в горло кусок не лез.

Неожиданный стук в дверь заставил меня вздрогнуть

Сердце тут же забилося тревожно, в висках застучало.

Адам? Его люди?

Я замерла, не дыша. Стук повторился. Нетерпеливый, требовательный.

Дверь бронированная. Замки крепкие. Мысль пронеслась, немного успокаивая. Я медленно поднялась, стараясь не шуметь, и на цыпочках подошла к двери, прильнула к глазку.

И выдохнула. За дверью стоял Егор.

Выдох вырвался из груди со свистом, облегчение, такое острое, что ноги на мгновение ослабли. Я быстро отщёлкнула цепочку, с трудом сдвинула тяжёлые засовы и открыла дверь.

Он вошёл, снимая куртку, и вдруг остановился.

Он переступил порог, и первое, что он сделал, медленно повёл носом, принюхиваясь.

– Неужели пахнет едой? – произнёс он, и в его обычно бесстрастном голосе прозвучало лёгкое удивление. Серые глаза скользнули по мне, потом в сторону кухни. – Ты решила приготовить.

Я пожала плечами, стараясь сдержать улыбку.

– Я приготовила для себя, – буркнула я, отводя взгляд к его груди. – Но могу и тебя покормить. Если хочешь.

– Буду премного благодарен, – ответил он. – Пахнет вкусно.

Он снял куртку, повесил на крючок и направился в ван-

ную мыть руки. Я тем временем вернулась на кухню, достала тарелку, положила ему щедрую порцию. Когда он вышел и сел за стол, поставила тарелку перед ним.

Он внезапно обхватил моё запястье. Движение было быстрым, но не грубым. Его пальцы, тёплые и сильные, сомкнулись вокруг моей кожи. Я подняла глаза и встретила с его взглядом.

Он смотрел на меня. Пристально, изучающе. Несколько секунд мы просто молча смотрели друг на друга. Время замедлилось. Я слышала только тиканье часов на кухне и собственное дыхание, которое почему-то стало чуть чаще.

– Спасибо, – он, наконец, прервал молчание.

И отпустил мою руку. Его пальцы скользнули по коже, оставляя после себя странное, тёплое покалывание.

А у меня в груди... казалось, сердце сейчас выпрыгнет через горло. Оно билось так бешено, так громко, что я была уверена – он его слышит.

Глупо. Совершенно глупо.

Почему в его присутствии я превращалась в глупое, немое существо, которое и двух слов связать не может? Со всеми остальными – с коллегами, с однокурсниками, с подругами, даже с тем же Адамом – я была острой, колючей, уверенной в себе. А с ним, с этим молчаливым мужчиной, меня будто подменяли. Это было так странно и по-настоящему раздражало.

Егор тем временем принялся за еду. Он ел спокойно, без

спешки, но видно было, что ему нравится. Я села напротив, снова взяла свою ложку и сделала вид, что тоже ем. На этот раз еда пошла легче. Может, потому что он был здесь. Может, потому что его тихое, уверенное присутствие немного рассеяло гнетущую тишину квартиры.

– Как палец? – спросил он вдруг.

Я пожала плечами.

– Нормально.

– Перевязать надо ещё раз, – ответил он. – После ужина. Свежая повязка, антисептик. Чтобы не загноилось. Вкусно готовишь. Это разовая акция или ты мне можно надеяться ещё и на ужин?

Надо было ответить что-то колкое, чтобы не наглел, но...но мне не хотелось.

– Посмотрю, как ты себя вести будешь, – ляпнула я.

Бровь Егора удивлённо изогнулась.

Глава 15

Он положил ложку, откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. В его позе была такая спокойная, всепоглощающая уверенность, что мне вдруг захотелось провалиться сквозь пол.

– Ты серьёзно? – усмехнулся он.

Я почувствовала, как по щекам разливается жар, но кивнула, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица.

– Вполне.

– Ну ок, – он развёл руками, как будто принимая правила новой игры. – Только мне, пожалуй, не помешал бы список. Что ты вообще считаешь нормальным поведением?

Я фыркнула.

– Список не нужен. Просто води себя не как засранец. Егор медленно наклонил голову, не сводя с меня взгляда.

– А я разве веду себя как засранец?

– Да, – выдохнула я, глядя ему прямо в глаза. – Иногда да. Сегодня ты был... действительно очень добр ко мне. И я за это благодарна. Но вчера...

– Вчера, – перебил он меня тем же ровным тоном, – ты тоже не особо покладистым характером отличилась. Как истеричная психованная дурочка себя вела.

От этих слов мой настрой на перемирие поубавился.

– Предлагаю списать это на твоё шоковое состояние, – продолжил он. – А с сегодняшнего дня начать всё заново. С чистого листа. Как тебе такое предложение?

Да, это было вполне разумно и честно. И давало нам обоим шанс не быть врагами в этой клетке.

– Вполне устраивает, – кивнула я, и в груди стало немного легче.

Он протянул через стол руку. Ладонь – широкая, с шершавой кожей и тонкими белыми шрамами на костяшках. Я положила в неё свою. Моя ладошка показалась крошечной и хрупкой, почти детской, когда его пальцы сомкнулись вокруг неё. Мы пожали друг другу руки. Договор был заключён.

– А теперь идём, я перевяжу и посмотрю твою рану, – сказал он, вставая.

Я тоже поднялась и машинально потянулась к тарелкам.

– Давай я хоть посуду...

– Не надо, – он мягко, но не оставляя пространства для возражений, отвёл меня от раковины. – Сядь. Я сам всё сделаю потом.

Он направился за аптечкой, а я опустилась на стул, чувствуя себя странно – как будто меня снова превратили в ма-

ленькую девочку, о которой заботятся. Но почему-то сейчас это не злило. Было просто... непривычно.

Егор вернулся, сел напротив и разложил на столе всё необходимое. Бережно взял мою руку, положил её на стол ладонью вверх и начал разматывать старый бинт. Пальцы, которые только что сжимали мою ладонь с такой силой, теперь были удивительно ловкими и аккуратными. Он снял повязку, внимательно осмотрел порез, и что-то тихо, одобрительно пробормотал себе под нос. Потом взял ватную палочку, смоченную йодом.

– Морщиться можно, – предупредил он, и в уголках его глаз обозначились лучики морщинок.

Я стиснула зубы. Йод коснулся края раны, и я невольно дёрнула бровью, ощутив знакомое, острое жжение. И в тот же миг почувствовала на коже лёгкий, прохладный поток воздуха. Он... подул. Просто так. Как делают детям, когда им больно.

Этот неожиданный, до смешного простой и нежный жест обезоружил меня. Он был таким человеческим, таким не вяжущимся с его каменной маской «Чеха». Что-то внутри окончательно дрогнуло и сдалось.

Потом он ловко, профессионально забинтовал палец.

«Чаще мужчины не умеют бинтовать и лечить, – отметила про себя я. – А Егор это делает так, будто каждый день кого-то бинтует».

– Спасибо, – тихо сказала я, когда он закрепил бинт акку-

ратным бантиком.

Он улыбнулся. Настоящей, не кривой усмешкой, а именно улыбкой, от которой как будто его глаза посветлели. Его взгляд снова был прикован к моему лицу.

Тишина стала густой. Воздух между нами будто наэлектризовался, и от этого волоски на коже стали дыбом. Каждый вдох давался с усилием. Я кожей почувствовала, как по спине пробежали острые мурашки, а грудь налилась странной, тяжёстью. Дышать стало трудно.

Это очень опасно, – зазвенел где-то на задворках сознания голос разума. Но я не могла отвести взгляд от его серых глаз. Он тоже не отводил.

И тогда он просто наклонился. Его губы коснулись моих.

Я не сопротивлялась, сдалась мгновенно, потонув в этой волне, что смыла все остатки страха и стыда. Мне нравилось. Нравилось чувствовать его сильные руки – одну на талии, другую на шее, как он притянул меня ближе, стирая последние сантиметры пространства. Он был такой большой, его грудь под тонкой футболкой казалась каменным бастионом, а запах... он пах кожей, свежим воздухом и чем-то сугубо своим, мужским, от чего кружилась голова.

Я даже не успела понять, как это произошло, но я уже не сидела на своём стуле. Он поднял меня и усадил к себе на колени. Я не протестовала, лишь обвила его шею руками, погружаясь в поцелуй глубже. Его рука скользнула под мой свитер, и его шершавая, тёплая ладонь легла на мою спину.

Его прикосновение обожгло, заставило выгнуться навстречу, исторгнув из горла тихий стон. Мне дико, до дрожи захотелось, чтобы он снял этот свитер, снял всё, что мешает коже касаться кожи. Но это были лишь мысли, смелые и пугающие, на большее я пока не решалась.

И в этот момент раздался звонок. Резкий, настойчивый, безжалостно вырывающий нас из сладкого безумия.

Егор неохотно оторвался от моих губ. Мы оба дышали тяжело, часто, лоб касался лба. В его глазах пылал огонь, только теперь в нём не было вызова – одна чистая, неудовлетворённая жажда и дикое раздражение от помехи. Мы просто смотрели друг на друга, слушая, как затихает звонок.

И он зазвонил снова.

– Блять, да кто это? – выдохнул он сипло, одной рукой продолжая крепко держать меня за талию, будто боясь, что я сбегу, а другой доставая из кармана телефон.

На экране горел незнакомый номер. Он, не отпуская меня, взял трубку и поднёс к уху.

– Алло? – его голос был низким, хриплым от недавнего поцелуя и мгновенно ставшим ледяным.

И я услышала. Сквозь бешеный стук собственного сердца, я услышала голос из трубки. Чистый, бархатный голос, который ещё вчера шептал мне «люблю».

Адам.

– Где она, Чернов?

Глава 16

Я сидела, застыв, на его коленях, превратившись вслух. Ладонь Егора, по-прежнему лежала на моей спине и излучала жар, проникающий сквозь ткань свитера.

– Со мной, – ответил Егор спокойно. – Или ты что-то имеешь против?

В трубке послышалось короткое, раздражённое дыхание. Потом голос Адама, потерявший всякий намёк на бархатность, стал шипящим и низким:

– Мне плевать, что ты там с ней делаешь. Мне нужна она только для того, чтобы наказать. И поверь, после моего наказания она будет намного покладистее.

От этих слов по спине пробежал ледяной холодок. «Наказать». Он говорил обо мне, как о непослушном щенке. Вся моя ярость, которая вроде как поутихла, сейчас с новой силой поднялась. Но Егор даже бровью не повёл. Удивительная выдержка.

– Да мне и так всё устраивает, – парировал он с лёгкой, убийственной насмешкой в голосе. – Я с девушками умею ладить. А ты, похоже, разучился, раз не смог её удержать.

В ответ на слова Егора я услышала, как Адам сквозь зубы выдал каскад отборного мата.

– Не зазнавайся, Чех.

– Это ты свой гонор успири, – отрезал Егор. – Проебался – так значит, прими свой проёб с достоинством. Девчонку я тебе не отдам.

Моё сердце, которое, казалось, замерло, снова забилося, но теперь это был дикий, хаотичный стук.

– А попробуешь сунуться ко мне, – продолжил Егор тем же ровным, не оставляющим сомнений тоном, – считай, сам себе пулю в лоб уже пустил.

– А ты мне не угрожай! – взорвался Адам.

– Я ещё и не начал, – тихо произнёс Егор. – Всё...

– Не смей ложить трубку, когда я с тобой разговариваю! – это был уже чистой воды истеричный рёв.

– Иди на хуй, – ответил Егор и отключился.

Он просто положил телефон на стол и посмотрел на меня.

Я сидела, не двигаясь, не в силах пошевелиться. В голове гудело. Я была в шоке. Не от угроз Адама – я ожидала их. А от Егора. От этой ледяной, абсолютной уверенности, с которой он отрезал одного из самых влиятельных людей в городе. От этой простой, животной фразы «девчонку я тебе не отдам». От того, как легко он послал его на три буквы и сбросил трубку, будто отмахнулся от назойливой мухи.

Он повернул голову и посмотрел на меня. Его рука на моей спине слегка сжалась, прижимая меня ближе, будто требуя продолжения.

– Всё, – повторил он уже для меня. – Он больше не позвонит.

Я не знала, что сказать. Во рту пересохло. Я лишь смогла выдать хриплый шёпот, глядя на чёрный экран его телефона:

– Он... он этого так не оставит.

– Я знаю, – просто сказал Егор. Его другая рука поднялась, и большой палец провёл по моей щеке. – Но теперь это не твоя проблема, а моя. И свои проблемы я решаю сам.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь совладать с дрожью в коленях (а они дрожали, даже сидя у него на коленях).

– И что теперь? – спросила я.

Уголок его губ дрогнул.

– Мы доделываем то, что начали.

Его пальцы потянули подол свитера вверх. Я замерла на секунду, когда прохладный воздух коснулся оголённой кожи живота. Я втянула воздух. Он хотел продолжить, вот только момент был уже упущен. Голова уже оценивала трезво, что дальнейшее продолжение может привести к нежелательным последствиям.

– Егор... – прошептала я. – Не надо.

– Почему? – он не отпускал меня, наоборот, ещё крепче прижал к себе.

– Потому что.

– Какой ёмкий ответ.

– Какой есть, – я снова попыталась напустить на себя безразличие, чтобы не показывать, как тяжело даётся попытка

прервать это сумасшедшее притяжение. Я упёрла ладони в его грудь и пожалела об этом. Любое прикосновение к нему сопровождалось слабым разрядом. Да! Да, чёрт возьми, мне хотелось, чтобы он продолжил, сжал посильнее и...и...И что дальше? Переспать, а потом делать вид, что ничего не произошло?

– Ясно, – буркнул Егор и разжал свои объятия. – Ты прям настоящая девушка-загадка.

Я ловко скользнула с его колен и встала. Убеждая себя, что всё правильно делаю.

– Какая есть.

– Если бы я не знал тебя, то подумал бы, что ты всё ещё влюблена в Адама.

Возмущённое цоканье вырвалось у меня само собой. Я развернулась к нему и скривила губы.

– Что за глупые мысли? После того, как он мне изменил, ты думаешь, я его ещё могу любить?

– Удивительно, что ты вообще в него влюбилась, – парировал Егор, скрестив руки на груди. Он снова стал неприступным, как гора. И это неприятно отдалось в груди. Хотя что я хотела? Сама отказалась, не думала же я, что он будет намного чувствительнее, чем остальные мужчины и разглядит за моим бойким поведением нерешительную и растерянную девчонку.

– Тебе не понять, – буркнула я в ответ и направилась в коридор. Чего мне сейчас точно не хватало так это горячей

ванны, чтобы расслабиться и успокоить нервы.

Но моё бегство тут же было прервано. Егор обхватил моё запястье и заставил развернуться.

– Может, ты всё-таки объяснишь. Не такой уж я тупой.

– Зачем тебе?

– Хочу понять?

Мы снова стояли друг напротив друга, словно никак не могли разойтись по разные стороны. Я чувствовала как меня тянет к нему. Но вместо того чтобы поддаться чувствам, я будто назло самой себе продолжала упрямо держать оборону.

– Хорошо. Давай попробую объяснить, – я опустила взгляд, чтобы сосредоточиться. Глядя ему в глаза, это не получалось.

– Все парни и мужчины ведут себя как мужланы. У вас мысли только о том, как залезть женщине под юбку. Мне такое отношение не нравится.

– А, понял. Адам вселил тебе мысль, что он не такой. Интересно сколько времени он окучивал тебя?

– Год. Мы год встречались.

– и ты думала он дома, сжимая зубами подушку передёргивал себе в руку?

– Боже, какой ты грубый, – я закатила глаза, понимая, что подобные разговоры с ним бесполезны. – Всё. Я больше объяснять ничего не буду.

Развернулась, и снова Егор не дал мне уйти.

– Стоять.

– Угу. Это ты своей настоящей женой будешь командовать. А мне приказывать не надо.

Я даже не обернулась.

Тоже нашёлся мне командир. Подумаешь, палец перебинтовал. И что я теперь ему из-за этого сдаваться должна...

Две сильные руки обхватили меня, и я в одну секунду оказалась у Егора на плече.

– Похоже, брат и отец тебя плохо воспитывали. Придётся мне взяться за твоё воспитание, – прогремел его голос.

Глава 17

Кровь прилила к лицу, когда я оказалась перекинутой через его плечо, как мешок картошки. Все мои принципы, все попытки сохранить достоинство рассыпались в прах. Сложно выглядеть неприступной, когда в голове пульсирует, а огромная, тёплая ладонь лежит на твоих ягодицах, удерживая на месте.

– Егор! Сейчас же поставь меня! – пропыхтела я, кричать не получалось. Волосы лезли в рот, а мощное плечо давило на низ живота, вызывая странную смесь паники и всплеска возбуждения. Я задёргала ногами, попыталась ударить его по спине, но мои удары для него были всё равно, что удары муравья.

– Нет, – коротко ответил он, не сбавляя шага и направляясь к спальне.

– И что ты собираешься делать?! – прошипела я, едва переводя дух от негодования.

– Я же сказал – воспитывать, – всё так же спокойно парировал он.

Егор вошёл в спальню. Свет ещё не был включён, только тусклый отсвет уличных фонарей падал из окна. Он опустил меня с плеча на край кровати. Матрас мягко прогнулся.

Используя момент неожиданности, я сделала резкий ры-

вок в сторону, чтобы проскользнуть мимо него к двери. Но не успела и на полметра оторваться от матраса. Железная хватка обхватила мою лодыжку. Я вскрикнула, потеряв равновесие. Он потянул меня назад, и я рухнула на спину. В следующее мгновение он был уже надо мной. Я брыкалась, извивалась, пыталась вырваться. Но это было как бороться со скалой. Он просто прижал меня всем своим весом, впечатав в матрас.

Воздух с шумом вырвался из моих лёгких. Он держал мои запястья одной своей рукой, зафиксировав их над моей головой. Второй рукой упёрся в матрас рядом с моим лицом. Я оказалась в ловушке. Подо мной – кровать, надо мной – он. Огромный, недвижимый, тяжёлый. Я почувствовала его твёрдый возбужденный орган, который давил мне на бедро сквозь ткань.

От этого осознания во мне вспыхнула новая, отчаянная волна сопротивления. Не только злость, но и какой-то животный, панический протест против такого тотального контроля. Я напряглась, выгнулась, пытаюсь сбросить его, напрягая каждую мышцу. Моё тело дрожало от усилия, но он не сдвинулся ни на миллиметр. Егор просто наблюдал сверху вниз. Его лицо было серьёзным, а глаза прожигали насквозь.

– Тебе не надоело? – спросил он.

– А тебе не надоело всё решать силой? – выпалила я, задыхаясь.

– Нет.

– Вот и мне нет, – прорычала я, хотя силы уже были на исходе. – Я всегда буду бороться. Против насилия. Против притеснения.

– А, так ты у нас феминистка? – усмехнулся он, и в тоне послышалась раздражающая снисходительность.

– Тебя это волновать не должно! – огрызнулась я.

Он резко сменил тактику. В одно движение он сел, и так же резко, не отпуская запястий, потянул меня за собой. Мир снова кувыркнулся. Я не успела понять, как оказалась лежащей животом поперёк его колен. Моя голова и плечи свисали с одной стороны, ноги – с другой. Поза была детской, жалкой и невероятно унижительной.

И прежде чем я успела собраться с мыслями, прилетел первый шлёпок.

Громкий, звонкий хлопок его ладони по моему мягкому месту отозвался в тишине комнаты. Я ахнула от неожиданности. Боль была несильной, скорее шокирующей, обжигающей от стыда.

– Ой!

Второй шлепок последовал почти сразу, чуть ниже, уже чувствительнее.

– Ай! Отпусти! – взвизгнула я, пытаюсь вывернуться, но его рука, лежащая тяжёлой планкой на моей спине, не давала пошевелиться.

– Запомни, девочка, – прозвучал над моим ухом его спокойный голос. – Я – мужчина. И в своём доме я буду решать,

как поступать. Поняла?

– Иди в жопу! – выкрикнула я, захлёбываясь яростью.

Ещё один шлепок. И ещё. Они не были сокрушительно болезненными, но каждый – не оставлял сомнений, кто здесь главный. Я бессильно замотала ногами по воздуху, рыча от бешенства, но с каждым ударом моя борьба становилась всё более отчаянной и бесполезной. Я чувствовала, как по щекам потекли злые слёзы.

– Твой брат попросил присмотреть за тобой, – продолжал он свою методичную «лекцию» между шлепками. – Значит, ты должна уметь быть благодарной. Это – раз. Второе – ты должна научиться относиться к людям с уважением. Особенно к тем, кто за тебя в ответе.

– Только отпусти, я Артуру всё расскажу! – всхлипнула я, уже почти не надеясь на спасение.

Очередной шлепок, чуть сильнее.

– Артур мне ещё спасибо скажет, – парировал он без тени сомнения. – Поверь.

И в этот момент во мне что-то сломалось. Не тело – с ним-то как раз всё было в порядке. Сломалась бунтарская составляющая, что заставляла меня бороться. Мне до ужаса стало обидно. Я злилась на брата, на Егора да вообще весь мир. Рывки и крики сменились тихими, прерывистыми всхлипами. Я просто лежала, безвольно свесившись через его колени, чувствуя, как жжёт щёки от стыда и жар в том самом месте, которое он отшлёпал.

Это было унижительно. Невыносимо унижительно. И почему-то от этого бессилия плакать хотелось ещё сильнее.

Егор, почувствовав, что сопротивление прекратилось. Он подхватил меня под живот и легко перевернул, усаживая к себе на колени уже лицом к себе.

Я не смотрела на него. Голова была опущена, волосы слипшимися прядями прилипли к мокрым, раскалённым щекам. Я всхлипывала, стараясь заглушить рыдания.

Он не сказал ничего, только осторожно отодвинул мокрые пряди с моего лица. Его прикосновение было на удивление нежным после недавней грубости. Потом он просто обнял меня, прижал к своей широкой груди, позволив мне уткнуться лицом в ткань его футболки.

Я не сопротивлялась. Во мне не осталось сил даже на это.

– Ну, ладно, – тихо проговорил он над моей головой, и его голос потерял металлическую жёсткость, став более глубоким. – Тише. Я же не сильно. Совсем чуть-чуть, для науки.

Я всхлипнула и вцепилась в его футболку, сминая ткань.

– Дурак, – прошептала я.

– Видимо, это заразно.

Его пальцы коснулись моего подбородка, заставляя приподнять голову. Жёсткие губы тут же коснулись моих губ, словно пытаясь поглотить мои всхлипы. Егор целовал меня нежно. Сжимал в объятиях так крепко, что я не могла вздохнуть, но при этом мне совершенно не хотелось, чтобы он отпускал меня.

Глава 18

Его поцелуй был лекарством и ядом одновременно. Твёрдый, влажный, настойчивый, он медленно растворял остатки сопротивления, которые и так уже лежали в руинах. Он парализовал меня своей нежностью. Я перестала плакать. Моё тело, ещё секунду назад вздрагивающее от рыданий, обмякло в его объятиях. Я позволяла ему поглощать мой стыд, мой гнев, моё унижение, превращая всё это в разгорающийся жар глубоко в животе.

Его руки скользили по моей спине – большие, тёплые ладони, которые минуту назад наносили унижительные шлёпки, теперь гладили, успокаивали, будто пытаюсь загладить свою вину за причинённую боль. Одна рука зарылась в моих волосах, мягко откинув голову назад, чтобы углубить поцелуй. Другая крепко держала меня за талию, прижимая так, что я чувствовала каждый мускул его торса. И его возбуждение, всё ещё твёрдое, теперь не пугало.

Егор оторвался от моих губ, и его дыхание, горячее и прерывистое, обожгло кожу под ухом.

– Всё? Успокоилась? – прошептал он, и его голос был низким, хриплым.

Я не знала, что ответить. «Всё» ли? Нет. Внутри всё перевернулось, сломалось и собралось заново в какую-то новую,

незнакомую конфигурацию. Я кивнула, уткнувшись носом в его шею, вдыхая его запах – запах его кожи, терпкого, едва уловимого парфюма, который подчёркивал мужественность Егора. Это был запах безопасности, силы.

– Хорошая девочка, – пробормотал он, и эти слова, которые должны были снова взбесить, почему-то лишь заставили сжаться в груди сердце.

Его слова «хорошая девочка» странным образом даже не взбесили. Наоборот, осели внутри теплом, согревая изнутри. И пока я барахталась в противоречиях тела и рассудка, Егор продолжил.

Его рука, лежавшая у меня на талии, сдвинулась, ладонь скользнула под край моей кофты. Подушечки пальцев коснулись оголённой кожи на спине. Я вздрогнула и забыла, как дышать. Не сказала «нет». Не оттолкнула. Я лишь закрыла глаза, погружаясь в это ощущение.

Мне нравится. Господи, как же мне нравится, когда он касается меня.

Голос в голове, который всегда был моим главным защитником, пытался протестовать: «Алён, стой. Это опасно. Это слишком. Ты сейчас перейдёшь черту, назад дороги не будет». Но он звучал глухо, как из-под толстого стекла. Все мои чувства были сосредоточены на том, где были его пальцы.

Он потянул подол кофты вверх. Я послушно подняла руки. Ткань легко соскользнула через голову, и я осталась сидеть у него на коленях в одних джинсах и кружевном лиф-

чике бледно-розового цвета.

Егор молчал. Дыхание его стало тяжёлым, словно он сдерживал его, как и я.

Я чувствовала, как его взгляд медленно скользит по мне, исследует мою грудь, обтянутую тонким кружевом. Он смотрел как хищник на свою жертву: жадно, очень жадно. И это льстило.

Егор поднял глаза, наши взгляды встретились. Мы не произнесли ни слова.

Потом он наклонился. Его губы коснулись того места, прямо под мочкой уха. Горячее, влажное прикосновение его рта, лёгкий укус зубами... я вздохнула, вцепившись пальцами в его плечи. Волна острого, почти болезненного удовольствия желания прокатилась по телу. Мурашки побежали по спине, по рукам, по животу. Соски под кружевом налились и затвердели, чувствительные до боли, будто умоляя о внимании.

Егор почувствовал это или угадал, но не заставил ждать. Его губы продолжили свой путь вниз, оставляя влажный след к моей ключице. А его рука... его рука медленно скользнула вверх и легла мне на грудь. Не сжимая, просто накрыв своей широкой, тёплой ладонью всю округлость поверх кружева.

От этого простого, властного прикосновения во мне всё перевернулось. Голова закружилась. Разум окончательно отключился, уступив место чистому, животному ощущению. Я неосознанно подалась вперёд, выпрашивая продолжения.

Его губы жгли кожу. А его запах заполнял лёгкие, опьянял.

Я почувствовала, как его тело напряглось. Он поднял меня и уложил на кровать. Егор встал надо мной, и в скупом свете, падающем из окна, его силуэт казался гигантским.

Он взялся за подол футболку и одним движением стянул её через голову и бросил на пол. Тень скользнула по рельефу его пресса, по широкой груди, вызывая настоящее, эстетическое удовольствие. Нельзя было не признать Егор был красивым мужчиной.

Потом Егор расстегнул молнию на брюках, стянул их одним движением и отбросил в сторону.

И он остался только в боксерах, которые были опасно натянуты на его мужском достоинстве, таком явном и таком... огромном. Мой взгляд непроизвольно прилип к этому месту, и в груди что-то ёкнуло от страха.

Егор не был похож на гладких, смазливых парней из журналов. Он был настоящим мужчиной на все двести процентов.

Пока я переваривала этот вид, он уже снова опустился ко мне. Его руки потянулись к поясу моих штанов.

– Егор... – мой голос прозвучал хрипло. – Я... передумала.

Он замер и медленно поднял на меня глаза.

– Что случилось?

– Н-ничего. Просто не надо...нам.

Он не стал настаивать. Вместо этого он лёг рядом со мной на бок, снова обвив меня рукой. Его другое предплечье легло

мне под голову. Притянул меня к себе, и его губы к моей шее, прямо под ухом, в том самом чувствительном месте. Его голое тело прижалось к моему. Он был таким горячим.

– Почему? – прошептал он прямо мне в ухо, и его дыхание заставило вздрогнуть всё тело.

И чёртово колдовство сработало опять. От его близости, от его тепла, от этих ласк голова снова закружилась, а страх начал отступать, уступая место знакомому, сладкому томлению. Он знал, что делает. Он умел управлять моим телом лучше, чем я сама.

Пока я пыталась собрать мысли в кучу, его рука, лежавшая у меня на животе, медленно, но скользнула вниз, под резинку моих штанов и трусиков, и его тёплые пальцы коснулись моей оголённой кожи там, внизу. Я замерла, затаив дыхание. Его пальцы мягко провели по лобку, а потом глубже, скользнув между ног, нащупывая уже влажную, чувствительную плоть.

Я ахнула и сжала инстинктивно ноги, пытаюсь остановить его руку. Но он уже всё почувствовал. Узнал. Моё тело предательски выдало меня, и стыд от этого залил лицо жаром.

– Зачем ты сопротивляешься? – снова прошептал он мне в ухо, и в его голосе послышалась лёгкая, тёмная усмешка. – Ты же так же хочешь, как и я. Я это чувствую.

– Потому что... потому что у меня не было мужчин, – сорвалось у меня шёпотом.

Он резко отстранился. Поднялся на локоть и посмотрел

на меня.

В его глазах промелькнуло столько всего – шок, недоумение и досада.

– Ты... девочка ещё? – переспросил он.

Я не могла говорить. Сгорая от стыда, едва заметно кивнула, уткнувшись взглядом в его плечо.

Да. Девочка. Двадцатипятилетняя девственница. Глупо, стыдно, но вот так. У меня всегда были проблемы с доверием к мужчинам.

Глава 19

(Егор)

Мозг просто отключился на секунду. Словно короткое замыкание.

«Девочка ещё».

Её тихий, сдавленный шёпот, этот стыдливый кивок – всё это никак не стыкалось с тем, что я знал про Алёну. Я смотрел на неё, на это личико, залитое краской смущения, на широко раскрытые глаза, в которых читался и страх, и вызов, и какая-то детская беспомощность, и не мог поверить. Двадцать пять. Хулиганка, сорванец, колючая, острая на язык журналистка, которая устроила скандал на весь город. *Девственница.*

Внутри всё перевернулось и застыло. Сначала я разозлился. Но на кого? На неё? На себя? На Артура, который, чёрт побери, мог бы и предупредить, хотя с чего бы? Хотя, если он мог и сам и не знать. А если и знал, то значит так сильно мне доверял, что свою сестру доверил. Злость сменилась досадой. Желание, которое ещё секунду назад съедало изнутри, наткнулось на невидимый, но барьер. И снова появилось это чувство... ответственности. Когда она маленькой была, и мы её защищали. Вот и сейчас. Я чувствовал грёбаное это

чувство, которое мгновенно связало мне руки. Быть первым без её согласия я не хотел? А она сейчас лежала передо мной совершенно растерянная, будто ждала от меня насмешки. Не привык я насильно к близости принуждать.

Не в этот раз, Егор, – проговорил я мысленно. Заставил себя отодвинуться от неё, хотя это было очень сложно.

– Надо было сказать раньше, – выдавил из себя. Отвёл взгляд от красивой груди, которая соблазнительно манила к себе.

Всё оказалось намного серьёзней, чем я думал.

Сел, потёр подбородок. Вздохнул.

– Завтра диван привезу. Больше не будем вместе спать.

Резко сел. Нужно было отдалить её. Поставить хоть какую-то физическую преграду между этой соблазнительной девушкой и моим телом, которое всё ещё горело и требовало её. Иначе я просто сорвусь. Использую её растерянность, её невинность. И стану для неё не защитником, а тем, от кого её и надо защищать. Хуже Хасанова. Потому что тот – больной уболюдок, а я – тот, кто должен её защищать.

Она не ответила. Продолжала лежать. Я уже начал вставать, чтобы уйти, остыть в ледяном душе, как она вдруг поднялась на колени. Её тонкие руки обвили мои плечи сзади, она прижалась щекой к моему плечу.

– И это всё? – прошептала она. – Ты так решил?

Всё внутри мгновенно напряглось, как струна. Её тепло, её дыхание на коже, этот простой жест... он разбивал все мои

только что построенные баррикады в щепки.

Я не оборачивался. Стиснул челюсти.

– А что ты хочешь, Алёна?

Тишина. Долгая, мучительная. Я чувствовал, как её дыхание на коже, чувствовала как она дрожит. Она сделала глубокий, прерывистый вдох, будто собираясь с силами, чтобы сказать что-то важное.

Я замер не дыша. Ждал. По-настоящему ждал, что она скажет.

И в этот миг мир взорвался.

Не метафорически. Буквально.

Оглушающий, рвущий барабанные перепонки удар в бронированную дверь. Не стук – именно удар, будто в неё врезался таран. За ним – яростный, непрекращающийся грохот, скрежет металла, дикий рёв пилы, пытающейся вскрыть сталь. Свет в прихожей погас, повалил едкий дым – скорее всего, дымовуха, чтобы дезориентировать.

Инстинкт сработал быстрее мысли. Я рванул к Алёне. Накрыл своим телом, заслонив собой от возможного выстрела через дверь. Сердце колотилось не от страха, а от ярости.
Хасанов. Сука. Совсем съехал с катушек.

Грохот продолжался, казалось, вечность. Потом стих так же резко, как начался. Наверняка поняли, что с дверью не справиться быстро. Но они теперь знали, что мы здесь. И следующий шаг будет другим.

Не было времени на обдумывание. Решать надо было на месте сейчас же. Я поднялся, схватил с пола свои джинсы, натянул на ходу не застёгивая. Алёна лежала на полу, глаза – огромные от ужаса, но она молчала, не кричала. Хорошая девочка. Другая бы уже наверно вопила.

– Вставай! – рыкнул я, хватая её за руку и поднимая на ноги. Она была в одних штанах и босиком. Чёрт.

Я потащил её к противоположной стене, к окну. Оно выходило на улицу. Я всегда продумывал заранее план отхода. Привычка с армии. Рванул раму. За окном – узкая, вертикальная пожарная лестница, привинченная к стене, ведущая в чёрную яму двора. Холодный, колкий воздух ворвался в комнату.

– Лезь! Быстро! – я посадил её на подоконник и вытолкнул на лестницу. Её пальцы вцепились в ледяные перекладки. – Не смотри вниз! Спускайся! Я за тобой!

Она кивнула, лицо белое как мел, но двинулась. Я схватил с пола футболки, из-под кровати вытащил пистолет, приклеенный там на всякий случай и вылез следом. Одним движением захлопнул окно изнутри, чтобы не оставлять явного следа, и оказался снаружи. Лютый холод мгновенно обжёг кожу. Я был в джинсах на голое тело и босиком. А она... я посмотрел на неё, цепляющуюся за обледенелые ступеньки. Её пальцы уже побелели.

Адреналин глушил холод, но за неё сердце сжалось в комок. *До машины. Надо добраться до машины.* Но машина на

парковке у подъезда. А там... там наверняка нас уже ждут. Хасанов не стал бы штурмовать квартиру, не перекрыв выходы. Это была скоординированная атака. Ублюдок действительно решил воевать в открытую, не считаясь ни с чем. Значит, просчитал риски. Или совсем съехал от ярости.

Мозг лихорадочно работал, отбрасывая один план за другим. Машина – ловушка. Такси – отследить легко. Пешком в таком виде по морозу – она не выдержит и получаса.

Мы спустились в узкий, тёмный проулок между домами. Я прижал Алёну к холодной кирпичной стене, сам встал перед ней, прислушиваясь. Издалека доносились звуки сирен – кто-то, видимо, вызвал полицию из-за шума. Но нам это не поможет. Нам нужно исчезнуть.

Она дрожала, зубы её стучали. Я протянул ей футболку, чёрт с ним, с холодом, и сверху натянул ещё одну свою, пытаюсь утеплить хоть как-то.

– Е-егор... – она прошептала, глядя на меня широко раскрытыми глазами.

– Молчи, – коротко бросил я, осматриваясь. – Держись за меня. И не отставай ни на шаг.

И, взяв её ледяную руку в свою, я рванул в темноту, подальше от света фонарей, в лабиринт гаражей и задних дворов, где у меня был один-единственный шанс – старый, ржавый «запасной аэродром», о котором не знал, я надеялся, никто, даже Артур. Надо было только успеть до него добраться, пока холод или люди Хасанова не сделали своё дело.

Глава 20

Холод впивался в кожу тысячами ледяных игл. Ледяной, колючий, пронизывающий до костей. Он выжег остатки всё: и страх, и злость, и растерянность, – оставив только одно чувство – желание поскорее согреться. Адский холод впивался в голые ступни, в тонкую ткань штанов, в кожу под двумя его футболками, которые всё равно не спасали.

Его рука сжимала мою так крепко, что казалось, кости треснут. Егор тянул меня за собой через тёмные проулки, заваленные хламом, скользкие от наста задворки гаражей, сугробы по колено, в которые я проваливалась босыми ногами. Колючий ветер резал лицо, вырывая слёзы, которые тут же замерзали на ресницах. Я спотыкалась, падала на колени, но он не останавливался, просто подхватывал меня и тащил дальше, не обращая внимания на мои сдавленные всхлипы.

Не отставай ни на шаг.

Я изо всех сил старалась не отставать, хотя ноги уже почти не слушались, одеревенев от холода. Каждый вдох обжигал лёгкие. Мне казалось ещё чуть-чуть и я задохнусь.

Егор бежал беззвучно, как робот, ни разу не поморщившись от холода, хотя он вообще был только в штанах, и я понимала – я не имею права сейчас ныть. Поэтому сжимала

зубы и бежала за ним следом.

Мы выскочили из лабиринта гаражей на какую-то пустынную, неосвещённую улицу. Вдали горели огни большого города, а здесь была промзона, глушь и запустение. Прямо перед нами, за ржавым забором с дырами, стояло длинное, низкое здание, похожее на заброшенный склад или старый гаражный кооператив. Окна были заколочены, над воротами висела полуоторванная вывеска, которую уже невозможно было прочитать.

Егор не стал лезть через ворота. Он подтащил меня к забору в самом тёмном месте, где листы профнастила отошли от столба.

– Лезь сюда. За мной. Быстро.

Он ловко скользнул сквозь дыру, почти не задев металл. Потом протянул мне руки. Я попыталась зацепиться, но пальцы не слушались, они были просто как деревянные палки. Егор, не дожидаясь, схватил меня за запястья и буквально втянул через забор. Я упала с другой стороны прямо на него.

Он помог мне встать и повёл к боковой двери склада. Нашупал под слоем грязи и льда щель, и с силой дёрнул. Раздался скрежет ржавой задвижки, и дверь, скрипя, поддалась.

Внутри пахло пылью, сыростью и машинным маслом. Было темно. Но самое главное сюда не долетал ветер, и сам воздух казался хоть чуть-чуть теплее. Егор захлопнул дверь, и нас поглотила полная тишина, нарушаемая только моим пре-

рывистым, хриплым дыханием.

– Стой здесь, не двигайся, – приказал он шёпотом.

Я услышала его шаги, удаляющиеся вглубь комнаты. Потом тихий скрежет, щелчок, и в дальнем конце огромного помещения вспыхнул тусклый, жёлтый свет от старой советской лампы, которая ещё каким-то чудом горела.

Это был действительно старый гаражный бокс, превращённый в убежище. В углу стояла железная койка с ватным матрасом. Ящики с инструментами. Небольшая печка-буржуйка, к которой шла труба, выведенная куда-то в стену. На полках – консервы, бутылки с водой, какие-то свёртки в плёнке.

Егор уже колдовал у печки-буржуйки. Через минуту внутри затрещал огонь, и слабое тепло начало расходиться по промёрзшему пространству. Он подошёл ко мне. При тусклом свете его лицо казалось вырезанным из гранита – жёстким, сосредоточенным, без тени той растерянности или страсти, что были в квартире.

– Раздевайся, – сказал он.

– Ч-что? – я прошептала, как будто и слышала и никак не могла сообразить, что от меня требуется. Это, видимо, так резкое тепло на мозг подействовало.

– Вся одежда мокрая. Тебе согреться надо. Снимешь – согреешься. Не снимешь – замёрзнешь насмерть. Выбирай.

Он повернулся и бросил мне одеяло. Потом сам начал стягивать с себя мокрые джинсы. Я стояла, всё ещё не в силах

пошевелиться, просто глядя, как он, совершенно не стесняясь, остаётся в одних боксёрках, его тело в свете лампы отбрасывало длинные, танцующие тени. Он был весь в царапинах, на боку краснел свежий кровоподтёк – видимо, от падения или когда он меня прикрывал.

Осознание того, через что мы только что прошли, наконец накрыло меня с новой силой. Кто-то только что пытался выломать дверь. Кто-то хотел нас убить. Или схватить. Или... Я затряслась уже не только от холода.

– Егор... – голос сорвался. – Они... они нас найдут сюда? Он поднял на меня глаза.

– Нет. Не должны. Никто не знает про это место. Отсидимся до завтра, а потом уже уедем. Ты чего стоишь? Я же говорю, раздевайся.

Я попыталась снять с себя футболку, но пальцы будто не подчинялись мне. Егор, глядя на мои попытки, не выдержал. Подошёл и помог снять футболки. А потом и штаны. Накинул на меня ватное одеяло. Оно пахло порошком, выглядело прилично.

– А теперь ложись на кровать.

Я послушно побрела к железной койке, с трудом переставляя закованные ноги. Одеяло приятно обнимало тело, его сухое тепло было настоящим блаженством. Я упала на матрас, закуталась с головой и просто лежала, прислушиваясь к звукам вокруг. Треск огня в буржуйке был самым прекрасным звуком на свете.

Из-под края одеяла я наблюдала за Егором. Он скинул намокшие джинсы, остался в боксерах, но, кажется, холод его вообще не брал. Он достал из армейского рюкзака штаны камуфляжного цвета и чёрную футболку, натянул их. Мне нравилось смотреть, как он двигается, как перекачиваются мышцы под футболкой, как сосредоточено лицо. В этом хаосе и панике он был моим островком спокойствия.

Я смотрела, как огонь играет на его профиле, на сильных руках, и чувствовала, как тяжелеют веки. Адреналин отступил, уступив место усталости и слабости, из-за тепла, разливающегося от буржуйки.

Я проснулась от прикосновения к моим ступням. Сначала сквозь сонное забытьё мне показалось, что это продолжение какого-то странного сна. Но ощущение было слишком реальным. Шершавые, тёплые подушечки пальцев осторожно ощупывали кожу на подъёмах, на пятках. Я дёрнулась, инстинктивно пытаюсь отдёргнуть ноги, и открыла глаза.

Увидела Егора, он сидел на краю кровати, склонившись над моими ногами. Одеяло было откинута. Он держал мою правую ступню в одной руке, а другой что-то втирал в кожу – что-то жирное и пахучее, пахло камфорой и травами. Его лицо было сосредоточенным, брови сдвинуты. Он массировал мою ногу, разминая заочиневшие, ноющие мышцы, его большие пальцы с нажимом проходили по своду стопы.

– Не дёргайся, – сказал он. – ничего не отморозила немного, но немного надо порастирать. Не повредит.

Я кивнула. А от его прикосновений, от этого неожиданной заботы, по телу разлилась теплота.

Глава 21

Я закрыла глаза, погружаясь обратно в полусонное состояние, но нежные прикосновения не давали забыться полностью. Его горячие руки двигались по моим стопам так, будто он каждый день занимался спасением девушек от переохлаждения. Ноющая боль отступала под натиском жара, который исходил от рук Егора. Тепло разливалось от пяток по всему телу, заставляя мурашки бежать по коже. От этого контраста, его жара и холода в помещении, меня бросило в мелкую дрожь.

В комнате стало немного теплее. Жар от буржуйки наконец-то поборол ледяную сырость, но до комфорта было ещё далеко. Егор сидел в моих ногах в одной футболке, а я лежала, укутанная в одеяло, и моя совесть начала поскуливать от творящейся несправедливости. Это я его втянула в этот кошмар. Это из-за меня он сейчас мёрзнет на краю кровати, растирая мне конечности, как заботливая нянька.

Мысли были вязкими, сонными, но стыд оказался сильнее.

Я приоткрыла глаза.

– Егор, – позвала я.

Он повернул голову.

– Ложись... – я сделала паузу, пытаюсь собрать мысли в кучу, которые не желали слушаться. – Ложись со мной. Под одеяло. Погрейся. Холодно же.

В комнате стало так тихо, что слышно было только потрескивание дров в буржуйке. Он замер. Я видела, как его плечи слегка напряглись, руки замерли на секунду, но снова продолжили разминать пальцы.

Ей-богу, ещё немного и я точно запишу свои стопы как в список моих эрогенных зон.

Егор молчал секунд десять. Казалось, он взвешивает мои слова, оценивает риски, просчитывает последствия этого простого предложения. Хотя я ему ничего такого и не предложила. Просто погреться.

Он снова посмотрел на меня. Его лицо в полумраке было нечитаемым. Взгляд, тяжёлый и изучающий, скользнул по моему лицу, будто пытаюсь разглядеть что-то ещё. Я не отводила взгляд.

Он ничего не сказал. Просто встал, подошёл к буржуйке, подбросил ещё пару полешек, убедился, что пламя устойчиво. Потом вернулся к кровати и лёг рядом со мной на бок, лицом ко мне, но так, чтобы между нами оставалось несколько сантиметров. Кровать была узкой, старой, железной. Этих сантиметров хватило, чтобы не касаться друг друга. И хоть я думала, что он замёрз, на самом деле от Егора шёл такой жар, как от раскалённой печи, будто внутри него горел свой собственный, невидимый огонь. Моё тело, только что начав-

шее оттаивать, мгновенно согрелось. Уже через минуту под толстым одеялом мне стало не просто тепло, а по-настоящему жарко. Я почувствовала, как по спине и шее проступает испарина.

Егор лежал неподвижно, дышал ровно и глубоко. Но я чувствовала каждое его движение, каждое микросокращение мышц. Его рука лежала между нами, словно он выставил границу, и я с удивлением осознала, что мне дико хочется, чтобы он обнял меня, прижал к себе, как ночью, когда мы спали вместе.

Но я продолжала просто лежать, прислушиваясь к его дыханию и к бешеному стуку собственного сердца, которое, казалось, выпрыгнет из груди. Жар от его тела стал невыносимым, он окутывал, обжигал кожу, заставляя кровь бежать быстрее. Я попыталась лежать смирно, но каждая мышца была напряжена. Я повернулась, пытаюсь найти удобное положение, откинула одеяло с плеча, но тут же снова пробрал озноб, и я натянула его обратно. Железная койка под нами жалобно скрипела и прогибалась при каждом моём движении.

В одном из таких беспокойных поворотов я неловко дёрнулась и спиной плотно прижалась к его груди. Койка под нами зловеще прогнулась, и мы скатились в самый центр. Расстояние в те самые «несколько сантиметров» исчезло. Его тело, твёрдое и горячее, теперь вплотную прижималось к моему от плеч до бёдер.

Я замерла, затаив дыхание. Он не отодвинулся. Но и не придвинулся. Просто лежал. Его дыхание стало чуть глубже, чуть медленнее.

А внутри всё горело. Мне снова стало нестерпимо жарко. Я резко, сбросила одеяло с ноги, чтобы хоть немного охладиться. Прохладный воздух комнаты обжѐг горячую кожу, и я снова вздрогнула, натягивая одеяло обратно. Это был порочный круг: жар от него – попытка охладиться – озноб – снова жар.

Я перевернулась на спину, уставившись в тѐмный потолок. Так было неудобно. Рука лежала нелепо, одеяло давило. И он был рядом. Его тепло теперь обжигало бок.

– Алёна. Если ты сейчас же не успокоишься и не заснёшь, – он сделал небольшую, угрожающую паузу, – я возьму тот бинт из аптечки и привяжу тебя к этой кровати. Так, что ты не сможешь даже глазом моргнуть. Поняла?

Он говорил, не открывая глаз, голос был абсолютно серьёзным.

Я замерла, превратившись в статую. Даже дышать старалась тише. Но жар, исходящий от него, теперь, когда я не двигалась, казалось, концентрировался, становясь ещё плотнее, ещё более мучительным. Он проникал сквозь все слои, согревая не только тело, но и снова пробуждая дрожь, от которой не спасало ни одно одеяло.

Осторожно, стараясь не скрипеть пружинами, я медленно-медленно повернулась на бок. Теперь мы лежали лицом

к лицу, в нескольких сантиметрах друг от друга. Его лицо в полумраке было спокойным, глаза закрыты, длинные тёмные ресницы отбрасывали тени на скулы. Он дышал ровно, будто спал.

А я – нет. Я смотрела на него. На резкую линию скулы, на упрямый подбородок, на губы, плотно сомкнутые даже во сне. И каждый мой вздох теперь был наполнен его запахом – дымом, кожей, чем-то неуловимо мужским и опасным. Моё сердце бешено колотилось. Жар от его тела теперь обжигал грудь, живот, бёдра.

Я не могла уснуть. Как вообще спать в таких условиях?

– Егор, – тихо позвала его.

– Ммм? – промычал он, не открывая глаз.

– Егор.

– Что?

– Обними меня.

Его ресницы дрогнули, глаза медленно открылись и установились на меня с немим вопросом.

Глава 22

Что я делаю? – промелькнула запоздалая мысль.

Его глаза в полумраке казались почти чёрными. Тяжёлый взгляд остановился на моём лице.

– Обнять тебя? – переспросил он.

Я уже пожалела о своих словах, но кивнула. Мне нужно было ощутить его силу.

Он больше не стал ничего говорить, просто протянул руку и обвил её вокруг моей талии и притянул к себе. Я оказалась прижатой к его груди, уткнулась во впадину между ключицами. Он был твёрдым, горячим, и пахло им так сильно, что у меня закружилась голова.

И хоть жар от его тела был почти невыносимым, в этот миг я почувствовала, будто нашла своё место.

Я прижалась щекой к его груди и зажмурилась. Под ухом размерено и мощно билось его сердце.

Тук-тук. Тук-тук. Это был самый умиротворяющий звук на свете. Но внизу живота, там, где его тело прижималось к моему, я чувствовала иное – твёрдое, напряжённое свидетельство того, что его спокойствие было напускным. Он хотел меня. И это осознание льстило больше любых других комплиментов.

Вот только почему он лежал сейчас как истукан? Почему

сдерживался, если хотел?

Как будто после моего признания про девственность он стал отгораживаться от меня.

Я провела ладонью по его груди, чувствуя, как под кожей тут же напряглись мышцы. Потом медленно скользнула рукой вниз по рёбрам, к рельефному животу. Мышцы пресса под моими пальцами дрогнули и стали как сталь.

– Не надо, – его голос прозвучал прямо над моим ухом, низко, хрипло, с надрывом. – Я и так едва сдерживаюсь.

Я замерла на секунду, но его хриплый голос и то, как он сдерживался, наоборот, подстегнуло моё любопытство и азарт.

Я снова двинула рукой, ниже, скользнула по поясу его штанов и... коснулась твёрдого, горячего достоинства Егора сквозь ткань.

Его рука молнией сжала моё запястье, убирая руку вверх. В следующее мгновение я уже была под ним, прижатая спиной к матрасу, его тяжёлое тело нависло надо мной, блокируя свет от лампы.

– Успокойся, – прошипел он, и в его глазах, так близко к моим, бушевала настоящая буря. – Иначе я сделаю то, чего мы оба хотим.

Моё дыхание спёрло. Страху не было. Была только наглая решимость. ЗАмуж я больше не собиралась, а вот стать полноценной женщиной уже давно было пора, и Егор, как никто лучше, подходил на эту роль.

– Так сделай, – выдохнула я, глядя ему прямо в глаза.

Он замер, вглядываясь в моё лицо. В моих глазах горело то же, что и в его – отчаянное желание сжечь все барьеры.

Моё согласие послужило для Егора словно красная тряпка для быка.

Он налетел на меня с такой силой, что я даже немного испугалась, что он меня раздавит. Он целовал страстно и жадно. Его язык властно проник в мой рот, захватывая, требуя ответа. Я ответила. Вцепилась пальцами в его волосы, в его плечи, притягивая его ближе, открываясь ему полностью.

Его руки скользили по моим бокам, обнимали, сжимали бёдра, прижимали меня к матрасу с такой силой, что не было сомнений в том что он хочет меня так же, как и я его.

Его пальцы подхватили резинку моих трусиков и одним резким движением стащили их. Холодный воздух коснулся горячей кожи, и я вздрогнула.

Его ладони вернулись к моим бёдрам, раздвинули их. Пальцы скользнули по внутренней поверхности бедра, и я выгнулась, ожидая... Но он не стал раздеваться. Вместо этого его пальцы нашли самый чувствительный, пылающий центр меня и прикоснулись. Сначала один, осторожно, входя внутрь, растягивая. Потом второй. Я вскрикнула, впиваясь ногтями ему в спину. Он ласкал, погружал пальцы снова и снова. А я едва сдерживалась. Кусала губы, стонала ему в губы. Я чувствовала, что уже готова. Чувствовала что хочу, но Егор продолжал ласкать только пальцами.

– Почему пальцами? – прошептала я задыхаясь. – Я хочу по-настоящему.

Он оторвался от моих губ, его глаза в полумраке горели огнём. Он прикусил мою нижнюю губу, заставив вздрогнуть от резкой, сладкой боли.

– А я как хочу, ты даже не представляешь, – хрипло выдохнул он прямо в губы. Его пальцы внутри меня двигались глубже, увереннее, находя такие точки, что мысли путались. Я стонала, не в силах сдержаться. – Но я не хочу, чтобы ты тут кровью истекла после меня.

– Что? – я даже открыла глаза не понимая.

– Маленькая ты для меня, – прошептал он, и в его голосе, сквозь хрип желания, пробила странная, почти нежная нота. – Узенькая слишком. Поранить тебя боюсь, глупая.

Он хотел меня до безумия, но боялся сделать больно. Этот мужчина, которого я считала бесчувственным зверем, сдерживался из-за... меня.

Я обхватила его запястье и попыталась остановить. Сама не понимая, что делаю.

– Так нечестно. Егор, – пробормотала я, глядя ему в глаза. – Если решили заняться любовью, то я хочу, чтобы ты тоже участвовал.

Я видела, как ему тяжело. Как желваки ходят, а как дёрнулся кадык.

– Ты сама не знаешь о чём просишь, – прошептал он, легко касаясь моих губ.

– Может быть, и не знаю. Но ты единственный, кому я доверяю.

– Алёнка...— он недоговорил, прижался губами к моим и целовал, пока моя голова совсем не отключилась. Мысли, чувства плыли бессвязно. И я таяла в этой нежности, в его поцелуях, тонула в этом сильном мужчине, который каким-то образом покори́л моё сердце. Наверно это было глупо и легкомысленно, но зато искренне.

Глава 23

Она смотрит на меня своими огромными глазами.

«Ты единственный, кому я доверяю».

Чёрт. Чёрт её побери, и всё это дерьмо. Она не понимает. Не понимает, что говорит. Она, девчонка, которая до сих пор верит в сказки и справедливость, доверяет свою самую большую тайну и своё тело мне. Мне, у кого руки в крови, в грязи, у кого в голове только холодный расчёт и чужие смерти.

А я хочу её. Боже, как я хочу. До трясучки, до боли в паху, до того, что каждый мускул напряжён, а в голове только одна мысль, чтобы я взял её, стал её первым, её единственным, вбил себя в неё так, чтобы она никогда не забывала, чья теперь она.

Но Алёна маленькая. Хрупкая. Я видел, как она сидит у меня на коленях – вся такая лёгкая. Видел её испуг, когда я снял с себя всё. Понимаю разницу в размерах. Понимаю слишком хорошо.

Она хочет меня. Она вся горит под моими пальцами, влажная, готовая. Но «готово» для неё и для меня – это разные вещи. Я боюсь. Впервые в жизни боюсь физически навредить женщине...своей. Жене. Моей жене, блин.

Я целую её, чтобы заглушить этот внутренний вой. Целую до одури, чтобы и она забылась, чтобы её тело размякло, рас-

слабилося, приняло меня. Мои пальцы внутри неё двигаются, ласкают, растягивая, подготавливая, ищу ту самую точку, от которой она взорвётся. Нужно, чтобы она кончила. Хотя бы раз. Тогда мышцы расслабятся, она будет вся открытая, мокрая, и, может быть, тогда... тогда будет не так больно.

Я ненавижу себя в эту секунду. Ненавижу свой размер, свою грубую силу. Первый раз в жизни жалею, что я не какой-нибудь изящный спортсмен, а такой, какой есть. Потому что сейчас это не преимущество, а проклятие.

Но её руки на моих плечах, её стоны, её шёпот «Егор»... Это сводит с ума. Ответственность давит на плечи, но её желание – это огонь, в котором я горю.

И когда она снова смотрит на меня, уже не просто с желанием, а полностью отдаваясь мне, я понимаю – дальше отступать нельзя. Она готова.

Я вхожу. Медленно. Чертовски медленно, контролируя каждый миллиметр. И чувствую... барьер. Сопротивление её тела, она напрягается и замирает. Глаза широко раскрыты, в них мелькает боль. Я останавливаюсь. Весь мир замирает. В ушах – только бешеный стук моего сердца и её прерывистое дыхание.

– Поцелуй меня, – просит она шёпотом, и в её голосе слышны слёзы.

Я целую. Целую её губы, её глаза, смахивая языком солёную влагу. Целую, чтобы отвлечь, чтобы утешить. И продолжаю движение вниз, вжимаясь в неё всем телом, входя глуб-

же.

Она стонет мне прямо в губы – тихий, сдавленный звук. И я не могу понять – от боли? Или уже от удовольствия? Сердце рвётся на части.

Я лежу неподвижно и жду. Считаю секунды в голове. Десять. Двадцать. Тридцать. Каждая – вечность. Жду, пока её тело адаптируется, пока спазм пройдёт, пока боль утихнет. Дышу ей в губы, глажу волосы, шепчу что-то бессмысленное – лишь бы она расслабилась.

– Алён...потерпи немного...сейчас пройдёт...

На тридцать первой секунде, я осторожно приподнимаюсь на руках, отрывая грудь от её груди, чтобы видеть её лицо. Слезы блестят у неё на ресницах, но она смотрит на меня прямо. И тут... она обнимает меня за плечи и сама, робко приподнимает бёдра мне навстречу.

Вот тут я и ломаюсь. Весь мой контроль, вся осторожность летят к чёрту. Её движение, это доверие, эта готовность принять меня дальше... Это сильнее меня.

Я начинаю двигаться. Сначала медленно, осторожно, всё ещё боюсь. Но её стоны становятся другими – томными, полными страсти и удовольствия. Её ноги обвивают мои бёдра, пальцы впиваются мне в спину. Она притягивает меня, и я забываюсь.

Ускоряюсь. Чувствую, как её тело принимает меня всё легче, как внутри становится жарче, теснее. И понимаю, что всё идёт не по плану. Я хотел быть нежным, хотел растянуть

это, довести её до края ещё раз, а уже потом позволить себе... Но её запах, её стоны и объятия – всё это нарушает моё самообладание. Я ускоряю темп, двигаюсь резче, вхожу глубже. И знаю, знаю уже, что не удержусь.

Последний толчок. Я вхожу в неё на всю глубину, чувствую, как она сжимается вокруг меня в пиковом спазме, её ноги судорожно обвивают меня, не отпуская. И я... я хочу выйти. Чёрт, я должен выйти. У неё это первый раз, она не на таблетках, никакой защиты... Но её хватка, этот последний, отчаянный стон – они сбивают во мне все предохранители.

Я не успеваю.

Всё кончается. Волна накрывает с головой, вышибая из груди низкий, хриплый стон. Тёплая пульсация глубоко внутри неё, и я понимаю, что всё. Кончил в неё.

– Блядь... – первое, что вырывается из меня, когда волна отпускает, и я, опираясь на дрожащие руки над ней, прихожу в себя. Хотел всё сделать по высшему разряду, а получилось как у первокурсника.

Я лежу на ней, чувствуя, как отступает адреналин и приходит ледяное, трезвое понимание. И стыд. И дикая, безумная нежность к этой хрупкой, упрямой девчонке подо мной, которую я, кажется, только что навсегда привязал к себе куда более прочно, чем любым свидетельством из ЗАГСа.

Глава 24

Сквозь сон я слышала потрескивание поленьев, и на несколько секунд даже мне показалось, что я у бабушки в деревне. К слуху присоединилось и обоняние, что я почувствовала, запах дыма и старого дерева. И только потом, как вспышка, в памяти всплыли картинки: его губы, его руки, его голос, шепчущий мне нежности, его тяжёлое тело, прижимающее меня к матрасу. Нежность и жар, страсть и удовольствие.

Я улыбнулась, не открывая глаз, и лениво потянулась, выгибая спину, чувствуя приятную ломоту в мышцах и странную, новую чувствительность между ног. Немного саднило.

И... почувствовала пустоту рядом. Егора не было.

Улыбка сползла с лица. Вместо неё появилось странное, тоскливое чувство. Без него было пусто.

Я приоткрыла глаза. В тусклом свете, пробивавшемся сквозь щели, я увидела Егора. Он сидел на ящике перед буржуйкой, уже одетый – в те же камуфляжные штаны и чёрную футболку. Сидел спиной ко мне и смотрел на огонь, будто в пламени была зашифрована какая-то важная информация.

Он почувствовал мой взгляд и повернул голову.

– Проснулась?

– Угу, – мой голос прозвучал хрипло от сна. Я села, уку-

тавшись в одеяло до подбородка. – А ты почему встал? Темно же ещё.

– Уже восемь, – ответил он. – Надо сходить на разведку. И тебе за вещами. Думаю, люди Хасанова уже уехали.

Егор снова стал прежним Егором. Сдержанным, холодным, собранным. Ни намёка на то, что было между нами. Ни тени той хриплой нежности, что звучала в его шёпоте, когда он просил меня потерпеть. Обида кольнула где-то внутри. Чего я ждала? Признаний в любви? Смешно.

Я сидела на кровати, полностью обнажённая под одеялом, и смотрела на него. Он снова был далеко, за своей бронёй.

– Что-то случилось? – спросила я тихо.

Он покачал головой, не глядя на меня. Но я поймала его быстрый, скользящий взгляд – по моим плечам, по изгибу шеи, по контуру тела под одеялом. Он тут же отвёл глаза.

– Побудешь тут одна, пока я схожу?

– А у меня выбор есть? – спросила я с лёгкой колкостью.

– Нет.

– Тогда побуду.

Он встал и подошёл к кровати. Моё сердце замерло. Я ждала. Хоть прикосновения. Хоть поцелуя в макушку. Хоть чего-то, что подтвердило бы, что я для него теперь не просто «обуза» или «задача», а что-то большее.

Но он наклонился и вытащил из-под кровати свои берцы. Начал их натягивать. Потом взял свой рюкзак, что-то в нём проверил. И только потом протянул мне старый кнопочный

телефон.

– Сама позвонить не сможешь. Только принять. Я позво-
ню.

Я молча взяла холодный пластик. Обида росла, как снеж-
ный ком.

– Что-то ещё? – спросила я.

Он присел передо мной на корточки. Наконец-то посмот-
рел мне прямо в глаза.

– Как ты себя чувствуешь?

Простейший вопрос. А от него у меня перехватило дыха-
ние. Он спрашивал о том, что случилось ночью.

– Всё хорошо, – пожала я плечами, стараясь говорить лег-
ко.

И, не выдержав, потянулась к нему. Обвила его шею ру-
ками и поцеловала. Его губы были тёплыми, но...он будто
сдерживался, хоть и ответил на него. Не тот дикий, пьяня-
щий огонь, что был раньше. Мне это не понравилось. Со-
всем.

Я попыталась углубить поцелуй, но он мягко отстранился.
Его дыхание было хриплым.

– Алёна, мне надо идти. Тебе одежда нужна.

Я откинулась назад, укутавшись в одеяло ещё плотнее, как
в панцирь.

– Ладно, – кивнула я, глядя мимо него.

Он встал и, не оглядываясь, вышел. Дверь закрылась с ти-
хим щелчком. Я осталась одна. И тишина вокруг сразу стала

неприятной. Она давила. Одиночество накрыло с головой, а следом подкрался холодный, липкий страх. *А что, если его поймают? Что мне делать одной? Как выбираться отсюда в одном одеяле?*

Я взяла телефон, посмотрела на время. Восемь ноль пять. Всего пятнадцать минут прошло, а я уже соскучилась по нему. Я встала, подбросила в буржуйку ещё щепок, села на кровать, обняв колени, и уставилась на дверь. Минуты тянулись мучительно долго. Каждый скрип, каждый шорох снаружи заставлял меня вздрагивать.

Он вернулся почти через два часа. Вошёл так же бесшумно, как и ушёл, с полным рюкзаком и пакетом в руке.

– Одевайся, – сказал он без предисловий, бросая пакет на кровать рядом со мной. – Сменим локацию.

Я развязала пакет. Внутри была простая серая кофта, новые джинсы, тёплые носки. Я натянула джинсы на голое тело – они сидели свободно, пришлось подворачивать. Кофта тоже оказалась великовата, но мягкая и тёплая. Пока я одевалась, кутаясь в одеяло, я ловила на себе его взгляд. Он стоял, прислонившись к стене, и смотрел. Не нагло, но... жадно. Особенно когда я наклонялась, и вырез кофты открывал грудь. Его взгляд становился тяжёлым, тёмным, и по моей коже снова пробежали мурашки. Мне нравилось чувствовать его взгляд. Только я так и не понимала, почему он оставался стоять в стороне. Ведь вчера было всё хорошо. Или я что-то не так сделала?

Я натянула носки, ботинки, застегнула пуховик, который он тоже принёс.

– Готова, – сказала я.

Он оттолкнулся от стены, подошёл и протянул мне маленький блистер с одной таблеткой.

– Вот, выпей.

Я посмотрела сначала на таблетку, потом на него.

– Что это? – спросила я, хотя уже всё поняла.

– Экстренная контрацепция, – ответил он.

От этих слов внутри что-то оборвалось. Он думал об этом. Проснулся, пошёл на разведку, купил одежду... и таблетку. Чтобы *избавиться* от возможных последствий. От *меня*.

– Ты же не хочешь от меня детей. Ночью был неосторожен, – сказал он. Я молчала, сжимая блистер в руке.

Его прямой вопрос добил меня. *От меня*. Как будто дети от него могли быть чем-то плохим, чем-то, чего нужно избегать любой ценой.

Я молчала, так и не зная, что ответить. Всё ведь логично. Между нами любви нет. Я его вчера просто попросила помочь мне избавиться от девственности. И мы не клялись друг другу в любви. Нам просто было хорошо.

– Или хочешь? – переспросил он, и в его голосе, кажется, прозвучала какая-то странная, натянутая нота.

– Нет, – выдавила я, и это была правда. Не сейчас. Не здесь. Не так. Но от того, как он это преподнёс, было мучительно больно. – Не хочу.

Я сунула его в карман джинсов.

– Тогда не понимаю, на что ты обиделась, – сказал он, всё так же не сводя с меня пристального взгляда.

– И не поймёшь, – бросила я небрежно, разворачиваясь к двери. – Идём, что ли? Менять «локацию».

Глава 25

Мы вышли из гаража, я повёл её не напрямик, а через заброшенную стройку, заваленную ржавым железом. Она шла за мной молча, укутанная в пуховик, который сидел на ней мешком, но времени выбирать по красоте не было, главное хоть не мёрзла. Я чувствовал её взгляд у себя в спине – колючий, обиженный, полный немых вопросов.

Эта её обида на таблетку вертелась у меня в голове занозой.

Чего она хотела? Чтобы я рискнул? Чтобы она, едва оправившись от одного кошмара, тут же вляпалась в другой? Дети... это не игрушки. Особенно дети от таких, как я. Но объяснять это вслух было сложно. Она бы не поняла.

Машину я спрятал в полуразрушенном ангаре в паре километров от гаражей. Старый, невзрачный внедорожник, который не привлекал внимания. Усадил её на пассажирское сиденье, сам за руль. Завёл мотор, и мы выехали на пустынную дорогу, ведущую за город.

– Куда мы едем? – спросила она через несколько минут, глядя в окно на мелькающие голые деревья.

– Приедешь – увидишь.

– Такой секрет, прям большой? – в её голосе снова зазвучала знакомая колкость.

Какая же она ещё девчонка, – подумал я. Всегда должна всё знать, во всё совать свой нос.

– Нет. Но тебе название ни о чём не скажет.

– И всё же. Я имею право знать.

Я бросил на неё сердитый взгляд. Она сидела, поджав губы, с вызовом смотря на меня.

«Имею право». Да, имела. После всего, что было... она имела право. Но знать правду – не значит стать от этого спокойнее. С её то тревожностью ей вообще лучше ни о чём не знать.

– За город, – буркнул я, возвращая взгляд на дорогу.

– Надо же, а я не догадалась, – парировала она с сарказмом.

Чёрт. Надо было дать больше информации, чтобы она успокоилась и замолчала и не лезла с вопросами, когда я пытался сосредоточиться на дороге и оценить, не ведём ли мы хвост.

– Лесной домик Града. Там заляжешь на дно.

– Заляжешь? – её голос резко повысился. – То есть ты меня бросишь?

Я опять посмотрел на неё. В её глазах читался уже не просто вызов, а настоящая, детская паника. Такая же, когда я уходил из гаража. Она боялась остаться одна. Резко захоте-

лось прижать её к себе и успокоить, но я сильнее сжал руль. После вчерашнего... после того, как она доверилась мне, её «бросишь» прозвучало как упрёк. Она считала меня предателем.

Но как объяснить ей всё? Сказать прямо: «Мне нужно найти и убить Хасанова, пока он не убил нас»? Она испугается ещё больше. Начнёт уговаривать, паниковать, может, даже попытается остановить. Или, что хуже, захочет помочь. Нет. Её место – в безопасном месте, подальше от всей этой грязи. Тем более если Хасанов пустился во все тяжкие и съехал с тормозов, то его уже ничего не остановит, кроме сломанной шеи. Я с удовольствием ему сверну её, На крайняк пушу пули из снайперки, если не смогу подобраться близко. И Алёна об этом знать не должна.

– Мне надо будет съездить по делам, – сказал я максимально нейтрально, глядя на дорогу.

– И надолго?

– Не знаю. Как получится.

Она резко отвернулась к окну и скрестила руки на груди. Вся её поза говорила: «Я обиделась». Атмосфера в машине стала напряжённой.

Вообще, вся эта ситуация мне не нравилась. Совсем. Я должен быть холодным, собранным, с включёнными на полную мощность мозгами. А из-за неё всё мозги отключаются, только член колом стоит. Мыслями я там, где она: в тёплой

постели, она подо мной, с тихими стонами и доверчивыми глазами.

Если бы не она, я бы не позволил людям Хасанова подобраться так близко к моей квартире. Я бы почувствовал угрозу раньше, был бы готов. Но я был занят ею. Её страхами, её телом, её... невинностью.

А теперь, после того как мы переспали, контролировать мысли стало вообще невозможно. Стоило только на секунду ослабить контроль, как в голову лезли картинки: как она дрожит подо мной, как закатывает глаза, как цепляется за меня, когда кончает. От этих мыслей у меня даже волосы на руках встали дыбом, а сердце начало колотиться с бешеной скоростью.

Ахуеть, – пронеслось в голове горькая усмешка. – Всегда умел контролировать и дыхание, и пульс, даже под огнём. А тут от одной мысли о девчонке – тахикардия.

Нужна была передышка. Хотя бы сутки. Чтобы остыть, собраться, выкинуть её из головы и составить чёткий план по Хасанову. Дом Града – идеальный вариант. Он знал толк в безопасности не хуже меня. Там она будет в безопасности, а я смогу выдохнуть.

Мы свернули на лесную дорогу, покрытую утрамбованным снегом и льдом. Через несколько километров я свернул направо, на ещё более узкую, почти незаметную колею, ведущую вглубь соснового бора. И вот он показался – высокий двухметровый забор из тёмного профнастила, без еди-

ной щели. За ним – крыша добротного двухэтажного дома из тёмного дерева и камня.

– Приехали, – сказал я, останавливаясь у ворот с видеокамерой.

Алёна присвистнула, высунувшись вперёд, чтобы лучше рассмотреть.

– Это лесной домик ты называешь?

– Ну, он же в лесу, – парировал я, набирая код на вынесенной панели.

Ворота с тихим гулом начали разъезжаться.

– Да это не дом, а настоящая крепость, – прошептала она, разглядывая решётки на всех окнах первого этажа, камеры по углам забора и массивную металлическую дверь.

«Крепость», – мысленно повторил я. Именно то, что нужно. Чтобы запереть в ней самое ценное и самое уязвимое, что у меня сейчас было. Чтобы на время забыть о ней и заняться войной. Но, глядя, как она с любопытством разглядывает убежище, я с сомнением поймал себя на мысли: *Смогу ли я уехать от неё сейчас?*

Глава 26

(Алёна)

Егор шагнул внутрь первым и исчез в темноте прихожей, а я замерла на пороге, почувствовав себя без него потерявшейся девочкой. Через несколько секунд щёлкнули выключатели, и по комнатам разлился мягкий, тёплый свет. Он проверил всё быстро, молча – заглянул в каждую дверь, скользнул взглядом по углам. Я стояла, не двигаясь, пока он не кивнул: «Всё чисто».

Внутри было прохладно. Я невольно поёжилась, кутаясь в пуховик. Он спустился по узкой лестнице в цокольный этаж, и я, не раздумывая, последовала за ним, словно привязанная невидимой нитью. Было глупо бегать за ним по пятам, но пока он был в поле зрения, я чувствовала себя в безопасности.

В углу стояла какая-то сложная панель с трубами и манометрами – система отопления. Он что-то щёлкнул, покрутил, и откуда-то из глубины дома донёсся низкий, нарастающий гул.

– Подождём немного, – сказал он, вытирая руки о брюки. – Дом нагреется. Потом можно будет помыться.

Я молча кивнула. Помыться. Это было единственное, чего я хотела сейчас больше всего. Смыть с себя пот, а главное –

эту обиду, которая сидела внутри, как ком. Горячая вода и тишина – идеальное лекарство.

Мы поднялись обратно. Он провёл меня по просторному коридору вглубь дома и открыл дверь в одну из комнат.

– Здесь можешь переодеться, привести себя в порядок, – сказал он, указывая на большой шкаф-купе. – Одежду бери там. Что-нибудь найдёшь.

Комната была уютной, даже милой, в отличие от его спартанской квартиры. Деревянная кровать с толстым матрасом, тумбочка, ковёр на полу. Окно выходило в лес. Правда, из-за высокого забора видно было только верхушки деревьев.

– Хорошо, – ответила я сдержанно.

Он задержался в дверном проёме, будто что-то хотел сказать. Его взгляд скользнул по моему лицу, но прочитать в нём что-либо было невозможно.

– Когда ты хочешь ехать? – спросила я, поднимая взгляд на него.

– Через пару часов.

– Я думала, хотя бы до завтра подождёшь.

– Алён, времени нет.

– Понятно.

Он вышел и закрыл дверь. Я осталась одна. Сначала просто стояла посреди комнаты. Потом медленно опустилась на край кровати. Всё внутри ныло. Противоречие между тем, что было ночью – его жар, его шёпот, та невероятная близость – и тем, что было сейчас – его холодность, отстранён-

ность, эти деловые, рубленые фразы, – разрывало меня на части. Насколько ночью было хорошо, настолько сейчас хотелось опустить голову в подушку и разрыдаться. Глупо. По-детски глупо. Но чувства не спрашивали разрешения. Я не понимала, совершенно не понимала, почему он так себя ведёт. Чувствовала себя котёнком, которые не пришёлся к дому и его выгнали из дома. Вроде как живи во дворе, а в дом больше не заходи.

Чтобы не поддаться слабости и не расплакаться, я заставила себя встать. Надо двигаться. Действовать. Делать хоть что-то, вместо того чтобы сидеть и жалеть себя. НИчем хорошим такое состояние не закончится. Я уже через это проходила однажды, не думала, что я опять так обманусь.

Я вышла в коридор, тихо, на цыпочках. Решила найти ванную, чтобы сразу начать набирать воду. Мне сейчас хотелось просто погрузиться в горячую воду, расслабиться и ни о чём не думать.

Я прошла мимо нескольких дверей, пока не услышала лёгкий шум воды. Дверь в конце коридора была приоткрыта, из-за неё виднелся свет.

Я толкнула дверь и замерла на пороге.

Егор стоял под душем. Совершенно обнажённый. Спиной к двери, могучие плечи и лопатки напряжены, вода стекала по рельефным мышцам, по шрамам. Он наклонил голову, и струи омывали его коротко стриженный затылок.

Сердце в груди забилося с бешеной силой. Я не думала,

просто подалась какому-то внутреннему зову. Меня тянуло к нему. Я вошла, скинула с себя пуховик, затем кофту, джинсы, всё, что было на мне, и оказалась совершенно голой перед прозрачной дверцей душа. Потом толкнула её и шагнула внутрь.

Он резко обернулся. На его лице застыло удивление, но лишь на долю секунды. Потом его тяжёлый взгляд скользнул по моему телу, от лица до бёдер, и обратно. Он смотрел с таким голодом, которого мне так не хватало весь день. И его тело мгновенно, без тени сомнения, отозвалось на мой приход. Он был возбуждён, и это было очевидно. Вода стекала по напряжённым мышцам его живота и ниже. Я видела, как дрогнули его челюстные мышцы, как задвигался кадык на горле.

– Алёна, – его голос прозвучал хрипло. – Что ты делаешь?

– Помыться хочу. Разве не видно? – ответила я, голос дрожал от волнения. Если он сейчас меня выгонит, я себя никогда не прошу. За эту слабость, за то, что первой пошла к нему.

Вода была ещё не совсем горячей, прохладные брызги попадали на кожу, и я покрылась гусиной кожей. Он сделал шаг вперёд, закрывая меня от струй своим телом. Его руки легли мне на бёдра. Он был обжигающе горячим.

– Подумай хорошенько. Если мы продолжим, я больше не выпущу тебя, – прохрипел он, наклоняясь так близко, что наши губы почти соприкоснулись. – Поняла?

Его дыхание коснулось моих губ. Глаза смотрели пристально не мигая, он ждал моего ответа.

– И не надо, – прошептала я.

Это были последние связные слова, которые я смогла произнести. Он разом притянул меня к себе, и его губы прижались к моим с такой силой и жадой, что я почувствовала себя в самом эпицентре урагана. Егор целовал жадно, с таким голодом, будто не было нашей ночи. Я ответила ему тем же, вцепившись пальцами в его мокрые волосы, открывая рот для его языка.

Потом он поднял меня. Я автоматически обвила его талию ногами, руками – его шею. Он прижал меня спиной к прохладной кафельной стене, и его губы не отпускали моих. И он вошёл в меня. Сразу. Без прелюдий, без остановок. Резко, глубоко, заполняя собой всё. Я застонала от неожиданности прямо ему в рот, но не от боли – от остроты, от полноты ощущений, от неожиданной грубости. Не было больше осторожности, он не сдерживался.

И мне он нравился именно таким; диким, голодным, несдержанным. Будто до этого он был собой лишь наполовину, сейчас же он был настоящим. Таким, каким, я чувствовала, за непроницаемой маской скрывался необузданный, страстный мужчина, его огонь сметал все преграды.

Он сжимал мои бёдра и двигался с силой и скоростью, которые заставляли терять голову. Я не могла думать. Только чувствовать. Чувствовать, как его тело входит в моё, как вол-

ны удовольствия накатывают с каждым толчком. Я слышала будто со стороны, как выкрикиваю его имя. Я прижималась к нему сильнее, цепляясь за его мощные плечи, впиваясь пальцами в его мокрую шею.

Он ускорялся, его дыхание становилось хриплым, прерывистым. И я летела за ним, в этот водоворот, пока всё не растворилось в ослепительной, сокрушительной вспышке, которая вырвала из нас обоих один общий, сдавленный крик наслаждения.

Глава 27

Мы лежали на кровати, моя голова на его груди, пальцем лениво водила круги вокруг плоского, тёмного соска, слушая мерный, успокаивающий стук его сердца. Его рука лежала у меня на спине, защищая меня от всего. Я была в кольце его рук и умиротворённом состоянии. После всего, что мы сделали. Это было невероятное сближение, не просто тело в тело, а будто мы и душами соприкоснулись, впустили друг друга в свою личную зону и теперь комфортно себя чувствовали. Для меня это было странное, ни на что не похожее чувство. Будто я нашла наконец то что и искала и не хотелось отпускать этот момент. Хотелось всегда чувствовать его руки вокруг себя как невидимую поддержку, слушать стук его сердца и быть уверенной, что он здесь рядом. В этой тишине, в его руках, казалось, что весь враждебный мир остался где-то далеко, за высоким забором и толстыми стенами.

Он провёл рукой по моим волосам, заправил непослушную прядь за ухо и тяжело вздохнул.

– Мне всё-таки надо идти, Алён, – сказал он тихо.

Я прижалась к нему сильнее, как будто могла удержать его силой одного желания.

– Может, ещё разок? – прошептала я, целуя его кожу над

сердцем. Стыдно? Немного. Но желание сильнее, чтобы он остался сильнее.

Он тихо хмыкнул, и грудь под моей щекой вздрогнула.

– Распробовала?

– Что? Секс? Разве это плохо? – подняла я на него глаза, пытаюсь выглядеть обиженно, но, наверное, получалось не очень.

– Знаешь, как говорят, – он улыбнулся, – пробку сорвал – и понеслось.

– Фу, как грубо! – я сморщила нос, шлёпнув его ладонью по груди.

Он поймал мою руку, прижал к губам, поцеловал ладонь

– Прости, не подумал. Да я сам к тебе никого близко не подпущу. Отстреливать буду каждого.

Я рассмеялась.

– Ты сумасшедший. Прямо как... как Хасанов в своём роде.

Его лицо на секунду стало каменным, но потом смягчилось. Он прижал меня сильнее.

– Ну вот, видишь, какая ты роковая женщина. Как действуешь на мужчин. С ума сводишь. Крейзи вуман.

– Сам ты крейзи мэн, – парировала я, подтягиваясь и целуя его в уголок губ. – Поцелуй меня. И останься. Хоть ещё на час.

Он ответил неторопливым, чувственным поцелуем.

– Не могу, Алён, честно. Время упускаем. Надо разо-

браться с одним... делом.

Моё сердце сжалось от тревоги.

– Мне... – я замолчала, подбирая слова. – Мне почему-то беспокойно на душе. Не хочу тебя отпускать. Скажи, что ты задумал?

Он покачал головой, его взгляд стал непроницаемым.

– Меньше знаешь – крепче спишь. Всё, малышка, надо идти. А ты отсюда – ни шагу. Поняла? Вернусь как смогу. Еда в холодильнике, всё есть.

Он аккуратно отстранил меня, сел на край кровати, а потом встал. Я осталась лежать, замороженно наблюдая, как перекатываются мышцы на его спине, плечах и ягодицах при каждом движении.

Ох, эти ягодицы, они могли бы свести с ума любую женщину, но пока принадлежали только мне. Надеюсь.

Егор натянул боксеры, а я, сама не осознавая, уставилась на внушительную выпуклость в паху, всё ещё помня, как эта часть его тела только что владела мной.

Он заметил мой взгляд. Уголок его губ поднялся в усмешке.

– И куда это ты смотришь?

Я подняла на него глаза, чувствуя, как по щекам разливается предательский румянец.

– На тебя, – честно призналась я. – Нельзя?

– Можно, – он натянул брюки, застёгивая их. – И что, нравится?

– Очень, – ответила я шёпотом.

Не выдержав, я встала с кровати. Прохладный воздух комнаты тут же охладил голую кожу, но я не обратила внимания. Подошла к нему, обвила его шею руками. Он обхватил мою талию, притянул к себе, и его тело, тёплое и твёрдое, снова стало моим убежищем. Он наклонился, и его губы коснулись моих – уже не жадно, а с какой-то бесконечной нежностью, от которой хотелось плакать.

– Замёрзнешь, маленькая, – прошептал он мне в губы, его дыхание смешалось с моим.

– С тобой не холодно, – выдохнула я, прижимаясь ещё ближе.

Он снова поцеловал меня, глубже, чувственнее, как будто пытаюсь вобрать в себя моё тепло, оставить часть своего. Но всё же, с видимым усилием, взял себя в руки и отпустил.

– Всё, давай. Лезь под одеяло или оденься. Ещё не хватало, чтобы ты заболела.

Я вздохнула, но послушно отступила и залезла под одеяло, натянув его до подбородка. В доме, несмотря на работающее отопление, всё ещё было прохладно. Он быстро натянул футболку, проверил, всё ли в рюкзаке, и, не оглядываясь, вышел из комнаты.

Я не смогла усидеть на месте. Натянув одеяло на себя, как плащ, босиком прошлёпала в коридор. Пробралась на кухню, к большому окну, выходящему на подъездную дорожку.

Он уже сидел за рулём внедорожника. Лицо его в профиль

было сосредоточенным, суровым. Он даже не взглянул на дом. Завёл мотор, дал немного прогреться, и машина плавно тронулась, скрылась за стволами сосен, а затем и за тяжёлыми воротами, которые сами собой закрылись за ним.

И я осталась одна. В тишине огромного дома было что-то пугающее. Грусть накрыла с головой, тяжёлая и липкая, как смола. А следом за ней обострилась и тревога, которая скребла изнутри.

Я терпеть не могла ждать. Особенно вот так – в неведении, без возможности позвонить, что-то спросить, просто услышать его голос или хотя бы написать СМС, чтобы знать, что всё в порядке. Это ожидание разъедало изнутри, заставляя рисовать в голове страшные картины.

Я прижала лоб к холодному стеклу окна, смотря на пустую дорожку, где ещё виднелись следы от его колёс. И тихо, совсем тихо, прошептала в стекло, уже запотевшее от моего дыхания:

– Вернись, Егор. Просто вернись целым.

Глава 28

(Егор)

Машина мягко покачивалась на разбитой дороге. Обычно эта тряска действовала на меня умиротворяюще, настраивая на рабочий лад. Сейчас же она лишь раздражала. В голове вместо чёткого плана крутились обрывки: её взгляд из окна, когда я уезжал. Словно она уже знала, на что я иду. Или чувствовала.

Нужно было выкинуть это из головы. Сентиментальность на задании – верная смерть. Особенно когда противник – не какой-нибудь гопник, а Хасанов. Он уже показал, что готов на всё: штурм квартиры в центре города, наёмники с болгарками. Это не просто месть обиженного нарцисса. Это объявление войны. И в войне эмоциям места нет.

Первым делом для меня была безопасность. Я загнал машину в заброшенный промгараж на окраине, где у меня был ещё один «сейф». Сменил номера на заранее приготовленные, доставшиеся от разобранной на запчасти иномарки. Проверил оружие в тайнике под днищем: «Сайга» с обрезанным стволом для ближнего боя, пистолет Макарова с двумя обоймами, нож. Всё чисто, смазано. Дополнительно положил в рюкзак бесшумный «Винтурез» для снайперской работы и коробку патронов. Надеялся, что до этого не дойдёт, но го-

товиться надо ко всему.

Потом достал из бардачка «чистый» телефон. Включил и набрал номер.

– Слушаю, – ответил Артур.

– Привет, Арт. Можешь говорить?

– Да. Ты где? Что с Алёной?

– Жива, сейчас в безопасности. Мне нужна встреча. Ты и Град. ДАвай через час. Место знаешь – «У Ашота», шашлычная у старого вокзала.

– Что случилось? – в голосе Артура послышалась тревога.

– Всё расскажу при встрече. Приезжай. И чтоб Град был. Это серьёзно.

Положил трубку, не дожидаясь ответа. Артур приедет. Из-за сестры приедет точно и Града прихватит, как я просил.

«У Ашота» было идеальным местом. Забегаловка для таксистов и дальнобойщиков. Никто не обратит внимания на троих мужчин в дальнем углу. Камер здесь отродясь не было.

Я приехал первым, занял столик у стены, спиной к кирпичной кладке, чтобы видеть вход и все подходы. Заказал три порции борща и чай. Есть не хотелось, но надо было выглядеть как обычный клиент.

Через двадцать минут в дверях появились Артур и Руслан Градов. Увидев меня, кивнул и направился к столику, оглядываясь по сторонам.

– Где она? – спросил Артур сразу, опускаясь на табурет.

– В безопасном месте. Пока что.

– Что значит «ненадолго»? Что случилось?

– Хасанов. Он не успокоился. Вчера вечером попытался взять штурмом мою квартиру. С людьми, с инструментом.

Лицо Артура стало каменным. Он медленно выдохнул, сжимая кулаки на столешнице.

– Блять. Совсем крышу снесло, ублюдок.

– Мы успели уйти по пожарной лестнице. Переночевали в старом гараже, – ответил Артуру, не вдаваясь в подробности.

– Чую чем пахнет. Значит, позвал нас мир спасать, – проворчал Градов.

– Ну если не трус, – парировал я, отодвигая ему чашку чая.

Град фыркнул, но чай взял.

– Я не трус, я осторожный. И женатый. В отличие от некоторых одиночек.

Он многозначительно покосился на Артура.

– К делу, – прервал нас Артур. – Егор, говори, что задумал.

Я отпил чаю, собираясь с мыслями.

– Хасанов вышел на тропу войны. Мой дом – это начало. Он всё равно её достанет, даже если придётся снести полгорода. Если будем сидеть в обороне, то проиграем. Нужно его выманить и нейтрализовать.

– Нейтрализовать? – тихо переспросил Артур.

– Убрать, – уточнил я без эмоций. – Другого языка такие, как он, не понимают. Пока он дышит, Алёна в опасности. Ты

это сам прекрасно понимаешь.

Артур молчал, слишком хорошо понимал это. Но санкционировать убийство, даже такого ублюдка, – это было опасно.

– А план какой? – встрял Град, его шутливый тон стал деловым. – В лоб на его офис не напасть. Охраны – как у президента.

– Не в лоб, – согласился я. – Нужно создать ситуацию, где он почувствует себя в безопасности и выйдет на открытое пространство. У него есть привычка – по пятницам он ездит в свою загородную резиденцию, «Хасанов-холл». Дорога идёт через лесной массив. Есть идеальный участок для засады – старый мост через овраг. Один путь, хороший обзор, есть укрытие.

– Снайперская позиция, – кивнул Град понимая.

– Да. Я буду на позиции с винтовкой. Но мне нужно прикрытие. На случай если что-то пойдёт не так, если его охрана будет умнее, чем мы думаем. Надо перекрыть дорогу до и после. И машина для быстрого отхода.

Град задумчиво покрутил свою чашку.

– Двое на блокпост, один на подстраховке. Мало. Нужно хотя бы четверо.

– Вот потому я и позвал вас, – сказал я, глядя попеременно на них. – Артур, ты знаешь местность не хуже меня. Град – лучший стрелок после меня. Вместе мы справимся.

Артур, наконец, поднял на меня глаза.

– Егор... может, есть другой путь? Обратиться к силовикам? У тебя же там связи...

– Какие связи? – хмыкнул Град. – Они либо куплены Хасановым, либо боятся связываться. Пока они бумажки будут перекладывать, он Алёнку найдёт и сделает из неё фарш.

– Град прав, – подтвердил я. – Официальный путь – это время. А времени у нас нет. Он уже послал людей за Алёной и разнёс мне квартиру. Думаешь, не стоит его трогать? Ждать, когда он накроет всех нас?

Артур с силой потёр подбородок.

– Где Алёна сейчас? – спросил он снова.

– У Града. В лесном домике.

Град удивлённо поднял бровь.

– У меня? А если Аня увидит? Она ж подумает, что это я девуку притащил! Ты же знаешь, какая она бешеная!

Аня, его жена, была женщине с характером.

Артур, ещё минуту назад погружённый в свои тяжёлые мысли, резко взвился.

– Алёна не «девка», а моя сестра, так что успокойся. Я думаю, твоя Аня отнесётся с пониманием.

– Ну так что? – вернул я разговор в нужное русло. – Можете?

Град вздохнул, но кивнул.

– Я в деле, брат. Ты же меня знаешь. Не знаю, как Афоня решит.

Он снова ухмыльнулся, глядя на Артура.

Тот закипел.

– Какой я, к чёрту, ещё «Афоня»? Вы задрали уже со своими кличками! Забыл, как меня зовут!

Град, казалось, только этого и ждал.

– Не, так, не норм. У нас позывные есть, а ты без. Надо придумать. Хочешь, мы тебя «Афанас» будем звать? – Он продолжил издеваться, его глаза весело блестели. Артур уже смотрел на него исподлюбя.

– Тоже не то, слишком длинно. Может, просто «АС»? Как тебе?

– Иди на хуй, – процедил Артур сквозь зубы.

Град развёл руками.

– Не могу. Я по женской части. Если посылаешь, то шли в пиз...

– Как же ты заебал, – перебил его Артур и, повернувшись ко мне, ответил: – Я тоже в деле. – Потом добавил, кивнув в сторону ухмыляющегося Града: – Может, под шумок и его пристрелишь?

Я пожал плечами.

– Не знаю. Не знаю. Если будет на меня рыпаться, то могу.

– Бля, ребят, шуток не понимаете, – возмутился Град, но усмешка так и осталась на его лице.

– Бесят твои шутки, – бросил Артур и снова обратился ко мне: – Сильно Хасанов твою квартиру покоцал?

– Всем, чем мог. Дверь вскрывали, дымовуху кидали. Но я ещё на квартире не был. Мы с Алёной в гаражах прятались,

ночь переночевали.

– А чего не позвонил? – спросил Артур с упрёком.

– Боялся след будет. Надо было залечь.

– А Алёна как?

– Всё хорошо, – ответил я коротко.

– Наверное, напугана, – пробормотал Артур, глядя в стол.

Град не удержался.

– Не переживай, Егор её уже успокоил. Он же это умеет.

Я сидел с каменным лицом, не подавая вида. Артур резко повернулся к Граду.

– Град, отвали. Не стал бы Егор Алёну трогать.

В воздухе повисла тяжёлая пауза. Артур смотрел на меня с немым вопросом, град с усмешкой. Враньё другу претило мне всегда. Но и выкладывать всё сейчас, здесь... Это могло всё испортить.

– Ладно, ребят, надо действовать, – начал я, но Артур меня перебил.

– Егор, ведь так? – он не сводил с меня глаз.

Я взвесил варианты за долю секунды. Артур всё равно должен узнать об этом рано или поздно. А у нас с Алёной всё серьёзно...вроде как.

– Ну, фактически... мы теперь с ней муж и жена не только на бумаге.

Артур застыл. Его лицо выражало полную неспособность обработать эту информацию.

– Чего?

Град тихо заржал, хлопнув себя по колену.

– Ну, я же говорил!

Артур перевёл взгляд с меня на Града и обратно.

– Пиздец. Ты же говорил – не тронешь.

– Так получилось, – я запнулся, подбирая слова. – Ты что-то имеешь против меня как зятя?»

Артур моргнул, медленно обрабатывая информацию.

– Нет... Просто неожиданно. Она же... она же против тебя была.

– Просто наш Егорка умеет очаровывать девушек своей харизмой и мужественностью, – подколот Град в свойственной ему манере.

– Всё, пора, – резко оборвал я. – К сожалению, мои достоинства не помогут против Хасанова. Так что кончай пиздеть. Работа есть. Артур, ты с нами до конца?

Артур посмотрел на меня. В его взгляде была тысяча вопросов, но сейчас главным был только один – безопасность сестры. Он кивнул.

– До конца.

– Град?

– Я уже сказал – в деле. Детали?

– Вот детали, – я достал из внутреннего кармана свёрнутую в трубку карту и разложил её на столе, придавив по углам чашками. – «Смотрите. Мост через овраг здесь. Я буду здесь, на высотке, в трёхстах метрах. У меня «Винтурез». Артур, тебе и ещё одному – здесь и здесь, у развилки, чтобы

перекрыть дорогу до моста. Машины с брусьями, вид – как будто ремонт дороги. Град, ты – здесь, в кустах за мостом, на случай, если кортеж попытается проскочить или даст задний ход. У тебя «Сайга». Как только я сделаю выстрел и кортеж остановится, выходите, блокируете, ликвидируете охрану. Быстро, чётко, без шума. Потом – отход по плану Б через лесную дорогу. Всё ясно?

Они оба молча изучали карту кивая. Профессионалы. Не нужно было объяснять дважды.

– Когда? – спросил Град.

– Завтра. Он обычно выезжает из города в шесть вечера. На мосту он будет около шести сорока. Занимаем позиции с четырёх. Связь через вот эти, – я положил на стол три простых рации с гарнитурами. – Канал семь. Вопросы?

Вопросов не было.

Глава 29

(Егор)

Рассвет застал меня в промгараже, где я дожидался ночи. Было тихо, лишь изредка раздавался треск остывающего металла и шуршание крыс где-то в углу. Это время – пред-рассветные часы – всегда было лучшим для проверки снаряжения. Холодный, ясный ум, никаких отвлекающих мыслей. Проверая, разбирая и собирая оружие, я будто свои мысли раскладывал полочкам.

«Винтурез» с глушителем – мой основной инструмент на сегодня. Потом – «Сайга» на случай ближнего боя. И «Макаров» – последний аргумент. Ножи в чехлах на ремне. Рации проверены, аккумуляторы полны. Всё было уложено в специальные отделения рюкзака с таким расчётом, чтобы любая вещь оказывалась в руке инстинктивно, за долю секунды.

План был простым и от того – идеальным. Мост, высотка с видом на дорогу, один выстрел. Чистая работа. Но простые планы имели привычку лететь к чёрту при первом же столкновении с реальностью. Поэтому был план «Б» и прикрытие – Артур и Град.

С Градом было всё ясно. Бывший снайпер в той же горячей точке, что и я. Человек, которому можно доверить спину. Он не задавал лишних вопросов, когда касалось серьёз-

ного дела. С Артуром было сложнее. Он был братом Алёны. Хорошим солдатом, но для него это было слишком личное. А личное – это всегда слабость, но и отказаться от его помощи я не мог.

Когда первые лучи солнца заглянули в разбитое окно гаража, я позвонил Артуру на «чистый» номер.

– Всё готово?

– Да. Град уже у меня. Ждём.

– Через час на точке сбора. Помни – никаких личных телефонов, ничего, что можно отследить.

– Понял.

Точка сбора – полуразрушенная ферма в километре от места засады. Град привёл двух своих ребят – здоровенных, молчаливых мужиков. Их звали Семён и Вадим, их задача была блокпост.

Мы разложили карту на капоте внедорожника Града в последний раз. Я прошёлся пальцем по маршруту.

– Всё как вчера. Я на высотке вот здесь. У меня обзор на полкилометра. Артур, ты с Семёном – здесь, у поворота до моста. Валите дерево поперёк дороги. Вадим, ты с Градом в кустах. Как только кортеж остановится перед деревом, а я сделаю своё дело, выходите и чистите. Град, ты ведёшь группу за мостом. Я дам команду. Вопросы?

Вопросов не было. Только кивки.

– Погода, – сказал Град, глядя на низкое, свинцовое небо.
– Может пойти снег. Ветер усиливается.

– Учтём, – ответил я. Ветер и снег усложняли снайперскую работу, но и маскировали звуки. Палка о двух концах.

Мы разъехались. Моя «Нива» бесшумно скользила по лесной дороге к точке, которую я выбрал.

Старая водонапорная башня на окраине фермерского загона. Высота – пятнадцать метров. Ржавая, шаткая, но с идеальным видом на мост и подходы к нему. Я оставил машину в полукилометре, в зарослях молодого ельника, и пешком, с рюкзаком за плечами, двинулся к башне.

Подъём по скрипучей, проржавевшей лестнице занял несколько минут. Наверху, на открытой площадке, ветер встретил меня ледяным порывом. Он завывал и раскачивал всю конструкцию. Я разложил снаряжение.

«Винтурез» установил на сошки. Проверил оптический прицел. Дистанция – 280 метров. Ветер боковой, слева, около 5 м/с. Всё рассчитано, всё учтено. Осталось ждать.

Через рацию проверил остальных. Артур и Семён уже на месте, маскируют ствол старой сосны поперёк дороги. Град с Вадимом – в засаде в кустах. Всё идёт по плану.

Часы показывали без пятнадцати пять. До предполагаемого проезда Хасанова – почти полтора часа.

Самое тяжёлое в снайперской работе – не выстрел, а ожидание. Неподвижность, холод, концентрация. Мысли имеют привычку разбегаться в такие моменты. Но сегодня они упорно возвращались к Алёне. К её глазам, полным тревоги. К её тёплому телу под одеялом и нежным губам. Красивая

она всё-таки.

Я прогнал образ. Сосредоточился на дыхании. На ощущении приклада винтовки под щекой. На знакомом запахе смазки и холодной стали.

Время тянулось мучительно медленно. Небо окончательно затянуло, пошёл редкий, колючий снег. Видимость упала, но для трёхсот метров – ещё приемлемо. Я время от времени обтирал линзу прицела специальной салфеткой.

В пять сорок пять Артур вышел в эфир:

– Барьер на месте. Заграждение установлено. Ждём.

– Засада на месте, – доложил Град. – Всё спокойно.

– Ствол на месте. Ждём. Тишина до контакта, – отдал я последнюю команду и выключил передатчик, оставив только приём.

В шесть ноль пять на горизонте, со стороны города, появились три пары огней. Я прильнул к прицелу. Они появились раньше, чем я предполагал. Сердце, обычно стучащее ровно, как метроном, участило ритм. Усилием воли заставил себя успокоиться.

Огни приближались. Три машины. Впереди – тёмный внедорожник, за ним – чёрный Mercedes S-класса. Бронированный, без сомнений. Замыкающий – ещё один внедорожник.

Передняя машина замедлилась, увидев поваленное дерево. Остановилась в двадцати метрах от него. Из неё вышли двое мужчин в тёмной одежде. Они осмотрели дерево, один что-то сказал в рацию.

«Мерседес» остановился в пяти метрах за первой машиной. Задний внедорожник притормозил позади него. Идеальная позиция. Хасанов в ловушке. Я положил перекрестие прицела на заднюю дверь «Мерседеса». Сейчас он должен выйти, чтобы оценить обстановку, или хотя бы опустить стекло. Один выстрел в голову. Всё.

Но дверь не открывалась. Вместо этого из переднего и заднего внедорожников высыпало ещё четверо охранников. Они заняли позиции вокруг «Мерседеса», оружие наготове. Что-то было не так.

И потом я увидел, как водитель «Мерседеса» вышел, открыл заднюю дверь. И из машины вышла... женщина. Высокая, в длинной шубе, с идеальной укладкой чёрных волос. Даже в зелёном свечении прицела я узнал её. Карина. Сводная сестра. Любовница. Не Хасанов.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.